

ТАИСИЯ ЛОГОВСКАЯ

ЗЛОДЕЙКУ
НЕ СЖИГАТЬ

или Невеста древнего дракона

Таисия Логовская

Злодейку не сжигать, или Невеста древнего дракона

<https://litres.ru/74196207>

SelfPub; 2026

Аннотация

Очнуться в чужом мире — страшно. Очнуться в теле главной злодейки Академии магии прямо во время собственной казни — еще хуже.

Меня должны были сжечь за преступления, которых я не совершала. Но древнее судебное пламя внезапно отказалось меня убивать. Теперь у меня — взрослой женщины с опытом организатора свадеб — есть всего двадцать дней отсрочки, чтобы доказать свою невиновность, иначе костер вспыхнет снова.

Мой главный надзиратель — Кайр Астэр, древний дракон и императорский инспектор. Он строг, дисциплинирован и уверен, что я опасна. Но когда я открываю в себе уникальный дар разрушать незаконные магические браки, которыми опутана вся Империя, нам приходится стать напарниками.

Чтобы выжить, мне предстоит распутать заговор самого ректора. И главное: не позволить нашей с Кайром пугающей совместимости превратиться в новую форму подчинения. Ведь настоящая любовь не терпит принуждения.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	34
Глава 4	48
Глава 5	62
Глава 6	77
Глава 7	92
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Таисия Логовская

Злодейку не сжигать, или Невеста древнего дракона

Глава 1

— Настоящим я разрываю помолвку с леди Летицией Варн.

Мужской голос прозвучал торжественно и слегка дрогнул на последнем слове. Я открыла глаза и увидела перед собой его безупречно начищенные сапоги.

Такое начало разговора редко обещает приятный день. Особенно если ты стоишь на коленях, запястья связаны за спиной, а под ладонями нагретый солнцем камень.

Я подняла голову.

Молодой мужчина в тёмно-синем парадном мундире смотрел куда-то поверх меня. Красивый, бледный, с выражением человека, который заранее отрепетировал речь перед зеркалом и теперь боялся, что зеркало его осудит. На груди поблёскивала серебряная цепь с гербом. Вокруг шумела огромная арена, заполненная людьми.

Над первым рядом висели штандарты. На верхних ярусах теснились студенты в одинаковых мантиях. Чуть дальше,

за кругом светлого камня, стояли преподаватели, военные и несколько мужчин, слишком богато одетых для зрителей.

В центре арены возвышался столб.

К нему была привязана я.

Подол тяжёлого чёрного платья лежал на сложенных вокруг брёвнах. По древесине шли тонкие серебряные линии, соединявшиеся с кругом на земле. Из чаш по краям поднимался сухой дым.

Меня собирались сжечь.

Мозг предложил три варианта: сон, безумие и смерть. Ни один не выглядел достаточно удобным, поэтому я вернулась к человеку перед собой.

— Адриан Марель, — объявил седой мужчина в тёмной мантии, стоявший у высокой кафедры, — ваше заявление принято и будет внесено в протокол суда.

Адриан. Имя ударило сильнее, чем верёвка, впившаяся в запястья.

Я знала это имя.

Я знала арену, чёрное платье и серебряные линии на камне. Даже эту сцену разрыва помолвки знала — только в книге она занимала меньше страницы и казалась почти справедливой.

Леди Летиция Варн, богатая, полная, высокомерная студентка выпускного курса, пыталась убить добрую целительницу Элиру. Жених публично от неё отказывался. Затем древний дракон исполнял приговор, а читательница могла

спокойно перейти к счастливой истории настоящей героини.

Мне полагалось умереть через несколько минут.

Память о книге возвращалась рваными кусками. Я читала её несколько месяцев назад, в дороге, и не собиралась запоминать второстепенную злодейку. От Летиции в памяти остались яркие платья, бесконечные сцены ревности и удобная смерть, после которой остальные герои смогли заняться спасением империи и устройством личной жизни. Ни одного суда. Ни одного объяснения, откуда взялся яд. Автору хватило чужих слов и найденного флакона.

Теперь флакон мог стоять мне жизни.

Я попробовала пошевелить пальцами. Верёвки держали крепко, но кровь поступала. Левая лодыжка ныла, вероятно, после падения или долгой дороги. Тело было тяжёлым, непривычным, затянутым в корсет так старательно, будто портниха тоже участвовала в казни. При этом оно дышало, чувствовало камень и отчаянно хотело жить. Никакой книжной условности. Никакого безопасного расстояния между мной и огнём.

Где находилась прежняя хозяйка тела, я не знала. Жива ли она где-то внутри, умерла ли, вытеснила ли меня собственная смерть — выяснять предстояло при условии, что мне дадут время. Пока внутри не звучало ни голоса, ни чужих мыслей. Только знакомые имена и собственный страх.

Прекрасно. Последнее мероприятие в моей жизни тоже оказалось организовано без моего участия.

— Обвиняемая, поднимите голову, — произнёс мужчина у кафедры.

Я уже подняла, но решила не спорить с человеком, в распоряжении которого имелся костёр.

Он был лет пятидесяти восьми, с короткими седыми волосами и спокойным лицом опытного руководителя. Такие люди никогда не суетились сами. Они создавали условия, при которых суетились остальные.

— Ректор Императорской академии магических союзов Гидеон Орс, — представил его глашатай.

В книге ректор почти не запомнился. Кажется, он поддерживал главную героиню, сожалел о падении Летиции и произносил несколько мудрых речей о долге. Очень удобный человек для автора: появлялся вовремя, объяснял правила и ни разу не мешал счастью правильных персонажей.

Орс развернул свиток.

— Летиция Варн, вы признаны виновной в попытке убийства студентки Элиры Сорель посредством запрещённого состава, повреждении её магического ядра и намеренном нарушении защитного контура академии.

Элира Сорель. Ещё одно знакомое имя.

На нижней галерее стояла девушка в светлой форме целительского факультета. Тонкая, светловолосая, с перевязанной рукой. Она смотрела на меня прямо, но пальцы сжимали край накидки так сильно, что ткань собралась складками.

Вместо торжества я увидела страх.

Книжная злодейка оставила мне не только тело и смертный приговор, но и человека, который имел все основания ждать от меня нового нападения.

— Приговор утверждён советом и магическим судом, — продолжил Орс. — Казнь будет исполнена судебным пламенем. Есть ли у осуждённой последнее заявление?

Толпа притихла.

По книге Летиция кричала, что невиновна, проклинала Элиру и обещала вернуться. Потом пламя поглотило её, а читательницы окончательно перестали сомневаться, кто здесь злодейка.

Я кашлянула. Горло пересохло от дыма.

— Есть.

По трибунам прокатился шёпот. Адриан впервые посмотрел мне в лицо и едва заметно отступил.

Вероятно, прежняя Летиция умела производить впечатление.

— Говорите, — разрешил Орс.

— Прошу сообщить, кто проверял судебный контур после его установки.

Молчание стало плотнее.

Глашатай растерянно заглянул в бумаги. Орс не изменился в лице.

— Контур установлен мастерами академии и принят магическим судом.

— Это должности, а не имена.

Адриан прикрыл глаза. Видимо, узнал знакомую склонность не вовремя задавать неудобные вопросы.

Я перевела взгляд на серебряные линии. За годы работы мне приходилось спасать свадьбы, на которых исчезали кольца, падали арки, путали женихов в списках рассадки и забывали предупредить бабушку невесты о пиротехнике. Любая церемония держалась на порядке. Здесь порядок был неправильным.

Одна чаша стояла на пол-ладони ближе к столбу, чем остальные. Два сектора зрительских мест оказались пустыми, хотя входы были перекрыты. От кафедры ректора к внешнему кругу тянулась дополнительная линия, прикрытая ковровой дорожкой. Возможно, всё это имело разумное магическое объяснение. Возможно, меня сейчас казнят за то, что я пытаюсь выиграть три лишние минуты.

Три минуты всё равно лучше нуля.

— Зачем вам имена? — спросил Орс.

— Чтобы уточнить, кто отвечает за нарушения геометрии. Северо-восточная чаша смещена. Дорожка закрывает дополнительный канал. В двух секторах нет зрителей, хотя остальные переполнены. Если это предусмотрено процедурой, я выслушаю объяснение. Если нет, предлагаю не начинать публичную казнь с технической ошибки.

Кто-то на верхних рядах нервно рассмеялся и тут же замолчал.

Орс посмотрел на чашу, затем на край дорожки. Его

взгляд задержался лишь на секунду.

— Контур проверен, — сказал он. — Ваше желание оттянуть исполнение приговора понятно.

— Тогда внесите мои замечания в протокол.

Глашатай снова посмотрел на ректора.

— Последнее заявление осуждённой не является ходатайством, — произнёс Орс.

— Значит, я прошу считать его ходатайством. И дать мне прочитать обвинение полностью.

— Вы присутствовали на суде.

Фраза прозвучала мягко, почти сочувственно. Для всех вокруг — разумно. Для меня — как предупреждение. Настоящая Летиция знала то, чего не знала я. Любой вопрос мог выдать перемену быстрее, чем признание в другой душе.

— После оглашения приговора память работает хуже, — ответила я. — Особенно когда рядом складывают дрова.

Адриан открыл рот, но Орс остановил его взглядом.

— Состав, которым была отравлена студентка Сорель, найден в ваших покоях. Трое свидетелей подтвердили угрозы. Ваша магическая подпись обнаружена на повреждённом контуре. Решение принято после двух заседаний.

Трое свидетелей, флакон и подпись. Уже больше, чем я помнила по книге, и всё ещё недостаточно, чтобы понять, виновата ли прежняя Летиция.

— Копию решения получит мой защитник?

— Ваш защитник отказался от дальнейшего участия по-

сле приговора.

Адриан опустил взгляд. Вот, значит, почему он стоял так близко к кафедре. Не только жених. Возможно, семья Марелей представляла мои интересы до тех пор, пока это было выгодно.

— Тогда копию получу я, — сказала я.

На верхних рядах кто-то выкрикнул, что мёртвым бумаги не нужны. Стража быстро заставила его замолчать.

— Моё желание дожить до обеда понятно, — продолжила я. — Но даже если не получится, протокол останется. Одно другому не мешает.

Смех прошёл по арене шире — не весёлый, скорее облегчённый. Люди всегда легче переносят чужую смерть, когда осуждённый ведёт себя предсказуемо. Я предсказуемой не была, и это их нервировало.

Адриан покраснел.

— Летиция, сохрани хотя бы остатки достоинства.

— Вы только что расторгли со мной помолвку перед ко-
стром. Боюсь, остатки придётся искать в описи имущества.

Он отшатнулся так, словно я снова угрожала Элире.

Шутить было легче, чем смотреть на брёвна у ног. Легче, чем вспоминать, что в книге следующей репликой ректора было распоряжение начать казнь.

Орс сложил свиток.

— Исполнение продолжить.

Слева от кафедры отделился мужчина в чёрном.

До этого он стоял неподвижно, и я приняла его за одного из военных. Теперь толпа расступилась перед ним без приказа.

Он был высоким, широкоплечим, одетым в длинный тёмный камзол без украшений. Волосы чёрные, с серебром у висков. Лицо спокойное и жёсткое, как у человека, который не нуждался в громком голосе, чтобы ему подчинились. На правой руке — перчатка из матовой кожи. На левой блеснул тонкий металлический браслет с императорской печатью.

— Императорский инспектор Кайр Астэр исполнит приговор, — объявил глашатай.

Кайр.

Древний дракон. Один из самых опасных персонажей книги и будущий наставник Торена, любовного интереса Элиры. Сам Кайр почти не участвовал в романтической линии. Он появлялся в нескольких главах, говорил мало и каждый раз менял ход событий.

А ещё именно он должен был меня сжечь.

Кайр остановился у границы круга.

— Осуждённая назвала нарушение, — сказал он.

Голос у него оказался низким, ровным и совершенно лишённым торжественности.

— Контур принят судом, — ответил Орс.

— Я слышал.

Кайр проверил взглядом смещённую чашу. Затем поднял ковровую дорожку носком сапога. Под ней действительно

проходила серебряная линия.

Толпа зашумела.

У меня внутри вспыхнула глупая надежда.

— Дополнительный канал ведёт к диагностическому кристаллу, — пояснил Орс. — Он поставлен по моему распоряжению, чтобы зафиксировать состояние ядра перед исполнением.

— Это не нарушает приговор, — сказал Кайр.

Надежда погасла так быстро, что даже обидеться не успела.

Он перевёл взгляд на меня.

Глаза у него были серыми, но возле зрачков тлел золотой ободок. Не красивое сравнение, а физический факт: тонкое кольцо света, слишком яркое для человеческих глаз.

— Вы понимаете, что произойдёт? — спросил он.

Я могла закричать. Потребовать нового суда. Сообщить, что в моём теле другая душа, и окончательно убедить всех в безумии осуждённой.

Вместо этого я выпрямилась настолько, насколько позволяли верёвки.

— Понимаю, что процедура уже началась.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

Кайр смотрел ещё несколько секунд. Не с жалостью. Не с интересом мужчины к женщине. Скорее как специалист, заметивший в привычном механизме деталь, которой там быть

не должно.

Потом он снял перчатку.

По его ладони прошли золотые линии. Воздух высох мгновенно. Серебро на камне вспыхнуло, чаши загудели, и от сухого жара у меня свело кожу на лице.

Я перестала слышать толпу.

Огонь родился без искры.

Он поднялся стеной по внешнему кругу, сомкнулся над ареной и ударил к столбу. Золотой, почти белый, плотный, как расплавленный металл. Мир исчез за ним.

Я зажмурилась.

Никаких шуток больше не осталось.

Жар пришёл со всех сторон. Дыхание оборвалось. Верёвка на запястьях загорелась, древесина под платьем треснула, но боль не пришла.

Я открыла глаза.

Пламя стояло вокруг меня, выгибаясь прозрачным куполом. Оно облизывало столб над головой, уходило под подол, поднималось вдоль рук — и всякий раз отступало от кожи на толщину пальца.

Судебная метка на груди нагрелась. Я не видела её под платьем, но чувствовала, как что-то впивается в кость, пытаясь удержаться.

Раздался резкий звон.

На ткани вспыхнул знак, похожий на серебряную печать. По нему прошла трещина. Вторая. Третья.

Метка рассыпалась светлой пылью.

Пламя рванулось вверх.

Под обугленной верёвкой запястье обожгло. Я не могла увидеть, что там проступило, только почувствовала две переплетённые линии — одну горячую, другую ледяную, — и короткую вспышку.

Огонь погас.

Пламя исчезло сразу, оставив после себя обугленные верёвки, целый подол и гулкую тишину.

Я всё ещё стояла у столба. Волосы пахли дымом, горло саднило, но кожа осталась невредимой.

Кайр оказался рядом быстрее, чем я успела вдохнуть. Он не коснулся меня. Остановился в шаге, посмотрел на рассыпавшуюся метку, затем на мои связанные руки.

Золотое кольцо в его глазах стало ярче.

— Отойти от контура, — приказал он.

Стражники замялись.

— Освободить осуждённую, — уточнил Кайр.

— Приговор не отменён, — сказал Орс.

Он спустился с возвышения. Впервые его спокойствие выглядело не безупречным, а тщательно удерживаемым.

— Он и не исполнен, — ответил Кайр. — Судебное пламя отвергло метку.

— Пламя могло быть искажено неизвестным воздействием.

— Поэтому повторное исполнение запрещено до исследо-

вания.

Глашатай торопливо перебирал бумаги. Вельможи в первом ряду заговорили одновременно. Адриан смотрел на меня с таким выражением, будто расторг помолвку на пять минут раньше, чем следовало.

Стражник перерезал остатки верёвки. Я попыталась шагнуть и обнаружила, что ноги не согласны участвовать в моём чудесном спасении. Колени подогнулись.

Когда руки освободились, я развернула левое запястье. На внутренней стороне кожи проступили две переплетённые линии — золотая и тёмно-красная. Они сомкнулись в незнакомый узор и на мгновение вспыхнули тем же светом, что в глазах Кайра.

Кайр подал руку, но не схватил. Просто оставил ладонь между нами.

Я перевела взгляд с неё на него.

— Это предложение помощи или часть новой процедуры?

— Помощь. Процедуры будут позже.

Я вложила пальцы в его ладонь.

Она оказалась горячей, но обычной человеческой горячей, а не огненной. Кайр удержал ровно столько, сколько понадобилось, чтобы я перестала падать, и сразу отпустил.

Орс поднял руку, требуя тишины.

— В соответствии с двенадцатой статьёй закона о судебном пламени исполнение приговора приостанавливается. Леди Летиция Варн будет помещена под наблюдение до по-

вторного суда и полного исследования её магического ядра.

— Судебное пламя проверяет глубинную волю, а не только тело, — добавил Кайр. — При повреждённой связи души с телом оно может отвергнуть исполнение. Такие случаи редки и требуют отдельного исследования.

— Срок, — потребовал Кайр.

Ректор посмотрел на него.

— Тридцать дней.

По арене прошёл новый гул.

Тридцать дней. В книге Летиции не досталось и тридцати минут. Я только что получила месяц, чужое тело, чужую вину и знак, который заставлял самых влиятельных людей академии смотреть на меня как на открытую дверь в горящем доме.

Очень щедрый комплект для нового начала.

— Она должна быть изолирована от студентов, — сказал Кайр. — Расследование проведёт независимая группа.

— Разумеется, — мягко ответил Орс. — Академия заинтересована в истине не меньше императорской службы.

Он улыбнулся мне так, как улыбаются важному гостю, а не женщине, которую пять минут назад собирались сжечь.

Улыбка мне не понравилась.

Стражники повели меня к выходу с арены. Толпа расступалась, но никто больше не кричал. Элира стояла на прежнем месте. Наши взгляды встретились. В её лице не было облегчения. Только страх, к которому добавилось непонима-

ние.

Я не могла её винить.

У самого прохода Кайр догнал нас.

— Леди Варн.

Я обернулась.

Он снова смотрел на знак на моём запястье.

— Что это?

— Я надеялась, вы мне скажете.

— Скажу, когда буду уверен.

— Удобный подход.

На его лице ничего не изменилось, но мне показалось, что в голосе стало на полтона суше:

— Мой огонь никогда прежде не отказывался исполнять приговор.

Глава 2

Меня не вернули в камеру.

Сначала провели по крытой галерее над ареной. За высокими окнами ещё расходилась толпа. Люди останавливались, когда видели меня между двумя стражниками, и молчали до тех пор, пока мы не проходили мимо. Затем шёпот догонял сзади. Я различила «не сгорела», «метка» и своё новое любимое слово — «злодейка».

Обугленные верёвки сняли, но руки не освободили окончательно: на запястья надели широкий ремень с металлической застёжкой. Он позволял держать ладони перед собой и хотя бы не изображать опасного гуся со связанными крыльями. После огня это считалось заметным улучшением условий.

У дверей внутреннего корпуса меня осмотрела безымянная целительница. Провела светящимся кристаллом вдоль лица, груди и живота, спросила, не кружится ли голова, и сухо сообщила, что ядро нестабильно, но прямых повреждений нет. На вопрос, что именно значит «нестабильно», ответила: «После судебного пламени — почти ничего определённого».

Отличная диагностика. В моей прежней работе подобное называлось «площадка готова процентов на девяносто», после чего обычно выяснялось, что нет электричества.

Вместо камеры меня привели в зал с шестью столами, восемью печатями на стенах и одним слишком удобным креслом, которое явно предназначалось для человека, согласного подписать всё, лишь бы ему позволили сесть.

Я села.

После костра ноги дрожали, корсет мешал дышать, а на запястьях остались красные полосы от верёвок. Стражники встали у двери. Кайр занял место у окна, скрестив руки на груди. Ректор Орс расположился напротив меня с видом гостеприимного хозяина.

Только чай не предложили. Видимо, в академии существовали пределы гуманности.

— Ваше состояние позволяет продолжить процедуру? — спросила женщина в серой мантии.

Она вошла последней, положила на стол три папки и представилась без помощи глашатая:

— Магистр Равия Вельс. Ритуальное право и диагностика связей.

Ей было около пятидесяти. Седые пряди собраны так туго, что ни одна не решилась нарушить порядок. На переносице сидели узкие очки, хотя стекло в них переливалось магическим светом.

— Если я отвечу «нет», процедуру остановят? — уточнила я.

Вельс раскрыла первую папку.

— До осмотра целителя — да. После заключения целите-

ля — нет.

— Тогда моё состояние позволяет.

Кайр едва заметно повернул голову. Возможно, это был драконий вариант удивления.

Вельс подвинула ко мне лист.

— В связи с отказом судебного пламени приговор приостановлен на тридцать дней. На этот срок вы остаётесь под юрисдикцией академии. Вам назначается диагностика ядра, проверка совместимости и повторное слушание.

— Почему проверка совместимости относится к моему приговору?

— Знак на вашем запястье возник во время действия драконьего огня.

Переpletённые линии потускнели, но не исчезли. Кожа вокруг не болела.

— Это может быть ожогом.

— Ожоги не образуют устойчивых двусторонних контуров, — сказала Вельс.

— Двусторонних?

Мой взгляд сам собой переместился к Кайру.

Он не показал запястье. Просто стоял у окна, тёмный и неподвижный, как нежелательный пункт договора, напечатанный особенно мелко.

Орс заговорил мягко:

— Леди Варн, академия предлагает вам более безопасную альтернативу изоляции. Вы вернётесь к занятиям под наблю-

дением, пройдёте стандартные испытания выпускного курса и сможете участвовать в собственном расследовании.

— А если откажусь?

— До повторного суда останетесь в закрытом крыле.

— Без доступа к документам и свидетелям.

— С ограниченным доступом, — поправил Орс.

— Ограниченный доступ — прекрасный термин. Обычно означает, что доступ есть у всех, кроме того, кому он нужен.

Вельс подняла глаза от папки. Уголок её рта не дрогнул, но страницы она перелистнула чуть быстрее.

— Все условия изложены здесь.

Передо мной легла толстая пачка бумаги.

Я взяла верхний лист. Пальцы всё ещё плохо слушались после верёвок, но буквы не расплывались. Текст был составлен добротнo: крупные заголовки, ясные основные положения, достаточно пустого места, чтобы человек чувствовал себя в безопасности.

И слишком много ссылок на приложения.

Такие документы я знала. На первой странице обещали праздник, на последней выяснялось, что заказчик отдельно оплачивает электричество, охрану, уборку, вывоз мусора и воздух между столами.

— Где приложение семь? — спросила я.

Вельс переложила один лист из второй папки в первую.

— Здесь.

— А приложение одиннадцать?

Ещё один лист.

— Полная версия договора занимает сто восемьдесят четыре страницы, — предупредила она.

— Значит, до обеда всё-таки не успеем.

Орс сложил руки на столе.

— В стандартных условиях студент подписывает этот договор при поступлении.

— Я не помню, что подписывала три года назад.

Правда получилась опасно близкой к признанию.

— После пережитого провалы памяти возможны, — спокойно сказал Орс. — Мы не станем использовать их против вас.

Обещание прозвучало почти заботливо. Я отметила его мысленно и продолжила читать.

Основной договор утверждал, что участие в диагностике добровольно. Приложение семь устанавливало обязательность проверки для всех, чьё обучение оплачивала империя. Приложение одиннадцать разрешало временно ограничивать магическое ядро в случае отказа. В следующем пункте «временное ограничение» связывалось с сохранением способности служить на щите. Если комиссия признавала ядро нестабильным, студент лишался диплома, наследственного допуска к семейной магии и права распоряжаться имуществом, полученным по магическому роду.

Дальше было интереснее. При активации совместимости участники получали три дня на подтверждение союза. Фор-

мально никто не обязан был заключать брак, но семейное приложение передавало будущему супругу право участвовать в решениях о наследственной магии. Ещё один пункт разрешал совету назначить временного партнёра, если отказ угрожал работе щита. Слово «временного» успокаивало ровно до ссылки на минимальный срок службы — семь лет.

— Кто составляет эти договоры? — спросила я.

— Кафедра ритуального права, представители совета и императорская комиссия, — ответила Вельс.

— Вместе или по очереди?

— Проект проходит согласование.

— Значит, виновного найти невозможно. Очень предусмотрительно.

— Это не уголовное дело, леди Варн.

— Моё уголовное дело закончилось костром час назад. Теперь я читаю документ, после которого могу лишиться ядра. Позвольте сохранить профессиональный интерес.

Вельс провела ногтем вдоль края папки.

— Ваш профессиональный интерес прежде касался светских церемоний.

Тело помнило, что прежняя Летиция изучала договоры. Я же вспомнила собственные сметы, соглашения с подрядчиками и десятки пар, которые читали только строчку с общей ценой.

— Любая церемония заканчивается чьей-то подписью и чьей-то ответственностью. Остальное — декорации.

Я перечитала страницу дважды.

— Отказаться можно свободно, — сказала я. — После чего человек теряет магию, образование и имущество.

— Только если его ядро представляет опасность, — уточнила Вельс.

— А опасность определяет академическая комиссия.

— Да.

— Назначенная ректором академии.

Вельс помолчала.

— Формально — советом.

Слово «формально» магистр произнесла без удовольствия. Я поставила возле пункта маленькую отметку. Если документ заставляет собственного автора отводить глаза, к нему стоит вернуться.

— Совет возглавляет ректор?

— Да.

Я подняла взгляд на Орска.

— У вас удивительно удобное устройство добровольности.

— У нас устройство, которое три столетия защищает северные города, — ответил он без раздражения. — Союзы поддерживают щит. Империя обучает магов за свой счёт и вправе ожидать службы.

— Службы или брака?

— Брак не является обязательным.

— Тогда почему приложение четырнадцать передаёт су-

пругу право голоса при расторжении связи?

Кайр отошёл от окна.

— Дайте сюда.

Он протянул руку к листу.

Я удержала бумагу.

— Можно попросить.

В комнате стало тихо.

Кайр посмотрел сначала на мои пальцы, затем на лицо.

— Позвольте посмотреть приложение.

— Пожалуйста.

Я передала лист.

Никто не умер. Академия пережила акт элементарной вежливости.

Кайр быстро прочитал пункт.

— В старой редакции этой строки не было.

Вельс сняла очки.

— Редакцию меняли два года назад после споров о наследовании.

— Кто утвердил?

— Совет.

— Протокол решения приложен?

Она замерла на долю секунды.

— Должен быть в архиве.

Орс вмешался:

— Это вопросы для отдельной проверки. Сейчас необходимо определить режим содержания леди Варн.

— Режим содержания, — повторила я. — Хорошо, что мы не называем это свободным участием.

Ректор не улыбнулся.

— Вы вправе выбрать закрытое крыло.

Он произнёс это без угрозы. Так врач предлагает неприятное лечение: выбор существует, но правильный вариант уже определён. Я оглядела стражников, закрытые папки и окна без ручек. Закрытое крыло, вероятно, отличалось от тюрьмы количеством ковров.

— Где не получу доступа к архиву.

— Где будете защищены от новых обвинений и возможных нападений.

— И от возможности оправдаться.

Он не спорил. Просто ждал.

Схема была знакомой. На переговорах самые опасные заказчики не давили: выкладывали два плохих варианта и позволяли человеку самому выбрать нужный им.

Я вернулась к договору.

В приложениях мелькало и старое право личной гарантии: поручитель мог сохранить обвиняемому доступ к обязательному обучению, отвечая за него имуществом, статусом и свободой. Тогда это показалось мне юридическим украшением на случай редких семейных скандалов.

— Мне нужна копия всех приложений, протокол судебного заседания, перечень назначенных диагностик и письменное подтверждение, что участие в брачном соглашении не

входит в условия отсрочки.

— Вы не в положении диктовать условия, — сказал Кайр.

— Я в положении человека, которого ваш огонь отказался сжигать. Положение редкое, поэтому инструкции, вероятно, допускают обсуждение.

Золотой ободок в его глазах стал заметнее.

— Обсуждение допускают, — сухо произнесла Вельс. — Диктовку — нет.

— Отлично. Обсудим каждое слово.

Через сорок минут я получила отдельный лист, где академия подтверждала, что диагностика совместимости сама по себе не означала согласия на союз или брак. Формулировка была такой осторожной, будто Вельс вырезала её из собственного служебного сердца.

Вельс отдельно внесла в протокол: отсрочка действует, пока я участвую в обязательном исследовании совместимости. Отказ от самого исследования возвращал дело в суд.

Оставался последний пункт.

— Для допуска в учебные корпуса требуется метка наблюдения, — сказала она. — Она фиксирует ваше местонахождение и состояние ядра.

— И больше ничего?

— Не должна.

Ответ вдохновения не прибавлял.

На стол поставили плоскую серебряную чашу. Вельс положила в неё круглый браслет, затем провела над металлом

двумя пальцами. По краю загорелись тонкие знаки.

— Вы подписываете согласие на временное наблюдение. Метка не ограничивает движение внутри разрешённых зон и не влияет на волю.

— А если влияет?

— Инспектор зафиксировал нарушение.

Я перевела взгляд на Кайра.

— Инспектор не прикасается ко мне без предупреждения.

— При угрозе жизни предупреждение может быть невозможно, — ответил он.

— При диагностике возможно.

— Возможно.

— Тогда договорились.

Он кивнул один раз.

Вельс положила передо мной перо.

— Подпись активирует метку.

Я взяла перо правой рукой. Имя Летиции всплыло в памяти тела раньше, чем я успела задуматься: размашистая буква, длинный росчерк. Чернила коснулись бумаги.

Серебряный браслет щёлкнул.

По коже под рукавом побежал холодный след. Не обычный холод — точный, направленный. Словно кто-то протянул внутрь тонкую иглу и начал пришивать меня к столу.

Я отдёрнула руку.

В воздухе над браслетом проступила тёмная нить. Остальные, кажется, её не видели. Она тянулась от металла к моей

коже, входила в знак на запястье и затягивалась узлом.

Нельзя.

Мысль была моей, но тело отреагировало раньше.

Я схватила нить пальцами.

Она оказалась горячей и шероховатой, хотя касаться там было нечего. Я потянула.

Тёмный узел лопнул.

Боль обожгла ладонь. Перо выпало, по столу прокатился запах нагретого металла. На коже проступила красная линия, будто тонкая проволока прошла через руку.

Кайр оказался рядом. Он остановил движение в последний момент, не коснувшись меня.

— Разрешите осмотреть ладонь.

Боль мешала думать, но я всё же кивнула.

Он взял меня за запястье осторожно, двумя пальцами, развернул ладонь к свету. Его кожа была горячей. На мгновение золотой знак совместимости вспыхнул, и ожог отозвался новой резью.

— Уберите браслет, — сказал Кайр.

— Метка стандартная, — возразила Вельс.

— Стандартные метки не оставляют запрещённый шов.

Он отпустил мою руку и поднял браслет с чаши. На внутренней стороне металла проступил чёрный узор — четыре короткие линии, соединённые в кривой крест.

Вельс резко надела очки.

— Это невозможно.

— Уже произошло, — ответила я.

Орс подошёл ближе. Его лицо выражало сдержанную тревогу человека, обнаружившего нарушение в собственном доме.

— Магистр Вельс, изолируйте предмет. До завершения проверки никто не обсуждает увиденное за пределами этой комнаты.

— Почему? — спросила я.

— Чтобы не спровоцировать слухи и не подвергнуть вас опасности.

Снова забота. Снова вариант, при котором все молчат, а академия решает, что считать правдой.

Кайр не сводил взгляда с чёрного узора.

— Я подам отдельный рапорт.

— Разумеется, — сказал Орс. — Независимость расследования будет соблюдена.

Вельс наложила на мою ладонь холодную повязку. Боль немного отступила, но пальцы подрагивали.

— Что я сделала? — спросила я.

Она затянула узел и только после этого ответила:

— Сорвали магическую конструкцию до её закрепления.

— Как?

— Этого я пока не знаю.

— Я видела нить. Тёмную, от браслета к руке. Она стягивалась в узел.

Вельс замерла.

— Глазами?

— Не уверена. Она была передо мной, но света не заслоняла. Когда я схватила её, пальцы почувствовали шероховатость.

— Магические структуры не имеют поверхности, — сказала она.

— Моя ладонь с вами не согласна.

Кайр приблизил футляр к свету, не открывая его.

— Некоторые специалисты воспринимают контуры как звук, цвет или натяжение.

— Специалисты годами учатся диагностике, — возразила Вельс. — Леди Варн не проявляла такого дара.

Слишком уверенно. Значит, прежнюю Летицию здесь проверяли не раз.

— Возможно, судебный огонь повредил восприятие, — сказал Орс. — Или открыл способность, которую раньше подавляло нестабильное ядро.

Он предложил объяснение быстро и аккуратно. Удобное объяснение, не требовавшее обсуждать другую душу. Я не стала спорить. Пока никто не спрашивал, почему я иначе говорю, иначе читаю собственный договор и не бросаюсь на Элиру, следовало дорожить их готовностью считать всё последствием огня.

— Эту способность можно проверить безопасно? — спросила я.

— После отдыха, — ответил Кайр раньше Вельс. — И не

на действующей печати.

— Вы уже распоряжаетесь моим отдыхом?

— Я распоряжаюсь порядком исследования запрещённой магии.

— Тогда запишите порядок. Письменно.

Вельс посмотрела на нас поверх очков.

— У меня есть подходящий бланк.

Конечно, был. Подозревала, что у магистра Вельс имелся бланк даже на конец света, в двух экземплярах и с местом для подписи ответственного лица.

Кайр положил браслет в защитный футляр.

— А я знаю, что видел этот узор раньше.

Он защёлкнул крышку.

— Такие печати запрещены больше сорока лет.

Глава 3

Элира Сорель вошла в диагностический класс и остановилась у порога.

Не от неожиданности. Она увидела меня заранее — через стеклянную перегородку, за которой Вельс готовила кристаллы. И всё равно замерла, будто в комнате обнаружилась открытая клетка с хищником.

Я сидела у стены под присмотром двух стражников. Правая ладонь была перевязана, пальцы сгибались с трудом. На левом запястье тускло светился знак, появившийся в судебном пламени. Условия для дружеского знакомства складывались неидеальные.

На правом запястье вместо изъятых браслета сидел новый — с другим номером и печатью Вельс. Его проверили при мне, внесли в журнал и признали временно безопасным.

— Студентка Сорель, проходите, — сказала Вельс. — Испытание не начнётся без вашего согласия.

Элира шагнула внутрь. Светлая форма целительского факультета сидела на ней без единой складки. Перевязки на руке уже не было, но у локтя виднелась бледная полоса лечебной сетки.

В книге она казалась почти неземной. В жизни оказалась просто молодой женщиной, которая плохо спала и тщательно скрывала страх.

Её взгляд задержался на моей повязке.

— Я не просила включать её в испытание.

— Меня тоже не спрашивали, — ответила я.

Элира тут же напряглась. Обычная фраза в исполнении прежней Летиции, вероятно, звучала как начало угрозы.

— Леди Варн присутствует как объект сравнительной диагностики, — пояснила Вельс. — Контакта между вами не предусмотрено.

Элира не сдвинулась с места.

— В прошлый раз контакт тоже не был предусмотрен.

Вельс поджала губы.

Я не знала, о чём речь, но тело отозвалось неприятным жаром в лице. Возможно, память Летиции пряталась не в мыслях, а в таких обрывках — стыде без картинки, злости без причины.

— Я не стану к вам приближаться без необходимости, — сказала я.

— Вы уже обещали оставить меня в покое.

— Когда?

Элира побледнела.

Вопрос прозвучал неправильно. Слишком искренне. Кайр повернул голову, а Вельс задержала руку над кристаллом.

— После слушания у декана, — ответила Элира. — Три недели назад. На следующий день в моей комнате нашли записку с угрозой.

— Подписанную мной?

— Вашей магической подписью.

Снова подпись. Та же, которую обнаружили на повреждённом контуре. Удобная вещь: не нужно ловить преступника за руку, если можно поставить его метку.

— Я не прошу вас мне верить, — сказала я. — Но сегодня приближаться не стану, пока вы сами не попросите или вам не будет угрожать опасность.

— Вы умеете говорить разумно, когда вам выгодно.

— Вполне возможно. Проверьте поступками.

Элира всё же вошла и встала на обозначенное место. Страх не исчез, зато теперь у него появилась форма: она следила за моими руками, держала между нами стол и не позволяла Вельс закрыть дверь, пока стражники не заняли позиции. Я бы на её месте потребовала ещё и запасной выход.

— Очень обнадеживает слово «предусмотрено», — сказала я.

Кайр стоял у центрального контура, проверяя серебряные пластины. Он поднял голову.

— Сегодня вы выполняете только указания магистра Вельс. При любом отклонении испытание прекращается.

— Вчера академические документы тоже не предусматривали отклонений.

— Поэтому я здесь.

Без обещаний, что всё будет хорошо. Станным образом это успокаивало больше всего.

В класс вошёл ещё один мужчина. Светлые волосы, зо-

лотисто-коричневая форма драконьего отделения, лёгкая улыбка человека, которого редко заставляли ждать у дверей.

— Торен Астэр, — представила Вельс. — Партнёр студентки Сорель по предварительной совместимости.

Торен поклонился Элире, затем перевёл взгляд на меня. Элира ответила сдержанно, без той влюблённой мягкости, которую я помнила по книге. Либо роман сильно приукрасил начало их истории, либо печатный сюжет уже расходился с жизнью гораздо раньше моего появления.

— Леди Варн. Рад видеть, что слухи о вашей смерти несколько преувеличены.

— Слухи опоздали минут на пять.

— Академия обычно работает быстрее.

Элира посмотрела на него с неодобрением.

— Торен.

— Молчу.

Он действительно замолчал, но улыбка осталась. В книге молодой дракон был главным романтическим интересом Элиры: обаятельным, смелым и совершенно уверенным, что любую проблему можно решить красивым полётом и правильной речью. По крайней мере, первые главы создавали именно такое впечатление.

Я попыталась вспомнить сегодняшний эпизод. После казни злодейки Элира проходила испытание совместимости. Торен показывал великолепный контроль огня. Их магия соединялась, все восхищались, а дальше начиналась настоя-

щая история.

Летиции в этой сцене быть не должно.

— Начинаем, — объявила Вельс.

Она указала Элире на круг в центре зала. Торен встал напротив, за второй линией. Между ними лежала решётка из серебряных пластин, в углах горели четыре прозрачных кристалла.

— Простая передача импульса, — сказала Вельс. — Студент Астэр создаёт минимальный огненный поток. Студентка Сорель принимает его через внешний контур и переводит в лечебный свет. Никакой активации связи. Никаких прямых контактов ядер.

Она заставила обоих вслух подтвердить согласие на передачу. Торен сделал это легко, почти небрежно. Элира произнесла формулу медленнее и отдельно уточнила предельную температуру. Вельс назвала значение и показала аварийные пластины по сторонам круга.

— Если поток превысит предел, контур отводит огонь вверх, — объяснила она. — Инспектор Астэр перекрывает источник, я снимаю приёмную часть. Студенты не покидают свои позиции до команды.

Порядок был ясным, и лишний тёмный стежок под серебром выглядел оттого ещё хуже.

— А я? — спросила я.

— Сидите.

— Это у меня получается лучше, чем гореть.

Вельс не отреагировала.

Кайр подошёл ко мне и положил на соседний стул плоский диагностический кристалл.

— Если увидите нить, узел или шов, говорите. Ничего не трогаете.

— Я запомнила правило после первого ожога.

— Хорошо.

— Вы всегда так убедительно поддерживаете людей?

— Только подозреваемых в убийстве.

Я взглянула на него. Лицо осталось непроницаемым. Возможно, сухой юмор у древних драконов проявлялся раз в столетие, и мне случайно достался весь годовой запас.

Вельс подняла руку.

Кристаллы вспыхнули.

Воздух над серебряной решёткой задрожал от жара. Торен вытянул ладонь. На коже проступили золотые чешуйки, а между пальцами собралось небольшое пламя — аккуратное, размером с яблоко.

Элира закрыла глаза. Вокруг её рук появился мягкий белый свет.

Поначалу всё шло именно так, как я помнила. Огонь Торена скользнул по линиям, потерял цвет и превратился в сияние. Элира приняла его без усилия. Студенты за стеклом приблизились к перегородке.

Потом я увидела тёмный стежок.

Он лежал под серебряной пластиной справа от Элиры. Ко-

роткий, почти незаметный, соединял её круг с линией Торена.

— Стоп, — сказала я.

Никто не остановился.

Вельс смотрела на кристаллы. Кайр — на Торена. Возможно, они не видели того, что видела я.

— Под правой пластиной шов, — громче сказала я. — От круга Элиры к линии Торена.

Кайр повернулся.

Торен вздрогнул.

Улыбка исчезла. Золотые чешуйки поднялись выше по запястью. Пламя в руке сжалось до ослепительно белой точки.

— Торен, погаси поток, — приказал Кайр.

Молодой дракон не ответил.

Его лицо стало пустым. Не сосредоточенным — именно пустым, словно кто-то убрал человека и оставил правильно поставленное тело.

Белая точка сорвалась с ладони.

Она должна была войти в решётку. Вместо этого перескочила через линию и ударила прямо в круг Элиры.

Кайр рванулся вперёд. Вельс опустила защитный щит, но серебряные пластины вспыхнули и на мгновение заперли их снаружи.

Элира открыла глаза.

По её запястьям уже ползли тёмные нити. Они стягивали руки, разворачивали ладони к огню. Она пыталась отсту-

пить, но ноги не двигались.

Я не успела подумать о книге, репутации или о том, что мне велели сидеть.

Стул опрокинулся за спиной. Я пересекла внешний круг, и воздух ударил в грудь тяжёлым жаром. Левая ступня зацепилась за край мантии, но я удержалась и схватила Элиру за предплечье.

Она дёрнулась.

— Отпустите!

— Я пытаюсь.

Тёмный шов проходил под её кожей, от локтя к ладони, и уходил в серебряную пластину. Он был тугим, как проволока, которой слишком сильно перетянули цветочную арку. Я не знала, что делать. Знала только, что огонь приближался.

— Хотите, чтобы это прекратилось? — спросила я.

Элира посмотрела на белое пламя. В её глазах отражался свет.

— Да.

Слово прозвучало ясно.

Шов стал видимым целиком.

Я перехватила его правой рукой. Ожог под повязкой вспыхнул, но нить уже ощущалась знакомо — шероховатая, натянутая, чужая. Я потянула не к себе, а в сторону разрыва между двумя серебряными пластинами.

Что-то сопротивлялось. Не Элира. Контур.

Он держал её, удерживал направление рук, пытался при-

нять огонь вместо неё.

Я дёрнула сильнее.

Шов лопнул.

Боль прошла через ладонь до плеча. На секунду я ослепла. Потом мир вернулся вместе с грохотом: Кайр разбил внешнюю пластину, защита рассыпалась, белое пламя ударило в потолок.

Он успел отвести поток. По камню пробежали золотые трещины. Торен рухнул на колено.

Элира обмякла у меня в руках.

Мы обе упали внутри круга.

— Не трогать их без команды! — крикнула Вельс.

Кайр оказался рядом. Сначала проверил, погас ли контур, затем посмотрел на меня.

— Летиция. Слышите меня?

Впервые он назвал меня без титула.

— К сожалению.

Голос прозвучал хрипло.

— Где боль?

— Правая рука. И гордость. Я опять не выполнила приказ сидеть.

Он перевёл взгляд на мою ладонь. Повязка почернела. Два пальца не двигались.

— Целителей сюда, — приказал Кайр.

Они уже бежали из соседней комнаты. Двое занялись Элирой. Один опустился передо мной и осторожно разрезал по-

вязку.

Я отвернулась. Кожа на ладони и предплечье была красной, вдоль неё тянулся тёмный узор, повторявший разорванную нить.

— Это ожог второго уровня, — сказал целитель. — Магический. Чувствительность пальцев снижена?

Я попыталась пошевелить ими.

— Два не чувствую совсем.

— Не двигайте рукой.

— Планировала сыграть на рояле, но придётся перенести.

Юмор вернулся, значит, жить собиралась.

Элира закашлялась. Целитель поддержал её, другой наложил светящуюся сетку на грудь. Я следила за ними, пока она не открыла глаза.

— Ожога дыхательных путей нет, — сообщил один. — Ядро перегружено, но цело.

Облегчение пришло неожиданно сильное.

Кайр поднялся и повернулся к Торену.

Молодой дракон сидел у разрушенного контура, прижав ладонь ко лбу. На лице снова появилось выражение, но теперь растерянное.

— Что произошло? — спросил он.

— Вы изменили направление потока, — сказала Вельс.

— Нет. Я погасил огонь.

— Вы его не погасили.

Торен посмотрел на оплавленный потолок, затем на Эли-

ру.

— Я не помню.

Кайр присел перед ним.

— Последнее, что помнишь.

— Начало передачи. Элира приняла первый импульс. Потом вы разбили пластину.

Между этими событиями прошло меньше минуты. Для Торена её не существовало.

Орс появился в дверях так быстро, будто ждал рядом.

— Все живы?

— Благодаря леди Варн, — ответила Вельс.

Слова прозвучали с явным усилием.

Ректор посмотрел на меня, потом на Элиру.

— Как именно она вмешалась?

— Увидела незаконный шов и разрушила его, — сказал Кайр.

Вельс уже стояла на коленях у разбитой пластины. Она подняла обломок щипцами, провела над ним кристаллом и резко выдохнула. На обратной стороне серебра проступил чёрный след, которого раньше не было видно.

— Внешний слой вплавлен в основание, — сказала она.

— Его наносили до установки решётки.

Орс посмотрел на неё.

— Вы уверены?

— В классе нет инструмента, способного создать такой шов после монтажа. И он не входит в учебную схему.

Кайр протянул руку.

— Обломок остаётся у меня.

— Он является имуществом академии, — сказал Орс.

— Он является уликой в нападении на двух студентов и вмешательстве в магический союз. Я зарегистрирую изъятие.

Вельс достала из кармана узкую ленту с печатью и, не дожидаясь разрешения ректора, обернула ею пластину. Её педантичность впервые показалась мне обнадеживающей.

— До завершения диагностики нельзя утверждать, что конструкция была незаконной, — всё же произнёс Орс.

— Она направила огонь студента Астэр в человека и заблокировала защиту.

— Контур могли повредить ещё при подготовке испытания.

— Тогда испытание не должны были начинать.

В голосе Кайра не стало громкости, но все вокруг замолчали.

Орс выдержал его взгляд.

— Мы проведём проверку. Сейчас важнее состояние студентов. Продолжение диагностики отложить до вечера.

— Нет, — сказал Кайр.

— Инспектор?

— Испытания прекращаются до полного исследования каждой пластины и кристалла. Торена изолировать от активных контуров. Элиру — под наблюдение целителей. Летици-

ей займусь я.

Я подняла здоровую руку.

— Формулировка настораживает.

Кайр перевёл взгляд на меня.

— Назначу личное наблюдение и проверю происхождение печати.

— Уже лучше.

Элира попыталась сесть. Целитель удержал её за плечи.

— Почему? — спросила она.

Сначала я решила, что вопрос относится к Кайру. Потом поняла: она смотрит на меня.

— Почему вы меня спасли?

Правильный ответ был прост: потому что я не прежняя Летиция. Потому что знала сюжет. Потому что не собиралась стоять рядом и смотреть, как человек сгорает вместо меня.

Ни один нельзя было произнести.

— Вы сказали, что хотите, чтобы это прекратилось.

— И этого хватило?

— Для решения в тот момент — да. Для доверия нам об-
им понадобится больше.

Элира смотрела долго. Недоверие не исчезло, но стало другим — менее уверенным. За стеклом студенты уже перешёптывались, и я понимала: к вечеру академия получит десяток версий произошедшего. В половине я наверняка сама устроила нападение, чтобы эффектно спасти жертву. Репутация работала быстрее фактов.

— Препняя вы не стала бы спрашивать.

— Возможно, препняя я устала от плохих решений.

Она отвела взгляд.

Кайр опустилсся рядом и взял мою повреждённую руку только после кивка целителя. Развернул ладонь к свету, не касаясь ожога.

Золотой ободок в его глазах вспыхнул.

— Что? — спросила я.

Он расстегнул верхнюю застёжку камзола. У ключицы, уходя под ткань, виднелся старый тёмный шрам. Рисунок был почти тем же, что на моей ладони: четыре линии и кривой центральный шов.

Кайр тут же закрыл ворот.

— Теперь леди Варн не остаётся без моего наблюдения,
— сказал он Орсу.

— Вы считаете её опасной?

Взгляд Кайра прошёл по разрушенному кругу, Торену, который не помнил собственной атаки, и моей обожжённой руке.

— Я считаю опасным то, что связано с моим прошлым.

Глава 4

Утром выяснилось, что академическая форма существует в одном размере: «так положено».

— Она не застёгивается, — сказала я.

Портной посмотрел на расходящиеся края тёмно-бордового камзола так, будто это был мой нравственный недостаток.

— К финальному отбору студентки обычно приводят себя в надлежащий вид.

— Я нахожусь в надлежащем виде. Камзол — нет.

Мы стояли в мастерской при женском общежитии. Вокруг висели ровные ряды одинаковой одежды: куртки для полётов, парадные мантии, тренировочные брюки. Всё было рассчитано на фигуры, которые портной считал достойными императорского образования.

Моя правая рука оставалась перевязанной от ладони до локтя. Два пальца всё ещё почти ничего не чувствовали. После ночи в лечебном крыле меня отпустили с запретом использовать магию и рекомендацией не тревожиться.

Рекомендация была прекрасной. До повторного суда оставалось двадцать девять дней, кто-то встраивал запрещённые печати в учебные контуры, а я жила в теле женщины, которую ненавидела половина академии. Тревога явно нарушала внутренний распорядок.

— Можно расширить боковые швы, — продолжил портной. — Но силуэт потеряет требуемую строгость.

— Зато я смогу дышать во время занятий. Это иногда помогает усваивать материал.

Он перевёл взгляд на стражника у двери, словно ожидал поддержки. Стражник разумно заинтересовался потолком.

— Правила утверждены советом, леди Варн.

— Покажите пункт, где указана ширина моего камзола.

— Форма едина для всех.

— Значит, должна выполнять одну функцию для всех: защищать кожу, не мешать движениям и не лопаться при наклоне. В таком виде она опасна на тренировке.

Портной побледнел от слова «опасна». В академии, где вчера едва не сожгли студентку учебным огнём, безопасность внезапно стала убедительным аргументом.

— Я могу запросить особое разрешение.

— Запрашивайте обычное. Мне не нужна милость, мне нужна одежда по размеру.

За спиной раздался короткий смешок.

Я обернулась.

У стены стояла высокая темноволосая девушка в форме защитного факультета. Руки скрещены, подбородок поднят. Она смотрела на меня без страха — с открытой неприязнью.

— Теперь вы требуете достоинства у портных? — спросила она. — Удобно.

Портной быстро собрал ткань и ушёл в соседнюю комнату.

Стражник перестал изучать потолок.

— Мы знакомы? — спросила я.

— Вы меня не помните?

Ещё один опасный вопрос.

— После судебного пламени память работает выборочно.

— Конечно. Очень вовремя.

Она подошла ближе.

— Сабина Рейт.

Имя было в книге. Не среди главных героев, но я вспомнила несколько сцен: студентка-защитница, которая однажды ударила Летицию на балу и получила взыскание. Тогда эпизод казался заслуженным возмездием и поводом показать, насколько злодейка ненавистна окружающим.

Теперь Сабина стояла передо мной живой, и возмездие имело причину.

— Что я сделала? — спросила я.

Она прищурилась.

— Не играйте.

— Я не прошу поверить в перемены. Назовите конкретно.

— Вы обвинили мою сестру в краже семейного браслета.

Ваши люди нашли его в её сундуке. Её исключили за неделю до выпуска. Отец потерял место в городской страже, потому что отказался признать её виновной.

Комната стала тише.

— Браслет действительно был ваш? — спросила я.

— Был. И через месяц вы надели его на приём, заявив,

что вещь нашлась в другом доме.

Я закрыла глаза на секунду.

Прежняя Летиция не просто распространяла сплетни и устраивала сцены ревности. Она ломала чужие жизни, пользуясь фамилией и деньгами. В книге это упоминалось одной строкой.

— Что стало с вашей сестрой?

— Работает в швейной мастерской за городской стеной. Диплом ей не вернули.

— Какой долг вы хотите получить с меня?

Сабина явно ждала оправданий, насмешки или угрозы. Вопрос сбил её сильнее.

— Вы не сможете вернуть три года.

— Нет. Но могу запросить материалы дела, дать показания о браслете и оплатить независимое рассмотрение.

— А потом заявить, что ничего не помните?

— Если в документах есть моя подпись, память не имеет значения.

Она смотрела жёстко, но уже без прежней уверенности.

— Вы хотите купить прощение.

— Нет. Я хочу понять размер ущерба. Простите вы меня или нет — ваше решение.

Сабина шагнула почти вплотную.

— Не делайте вид, что одно утро в лечебном крыле превратило вас в хорошего человека.

— Не буду. Одного утра недостаточно даже для хорошего

кофе, а уж для исправления характера тем более.

На её лице мелькнуло что-то похожее на раздражённое недоумение. Она отступила.

— Я принесу номер дела.

— И имя человека, который вёл расследование, если знаете.

Сабина нахмурилась.

— Зачем?

— Чтобы понять, где лежат показания и кто имел доступ к браслету. Если вещь подбросили, это должно было оставить след. Если не подбросили — я узнаю это тоже.

— Вы допускаете, что моя сестра виновна?

— Я допускаю всё, что не проверила. Но то, что браслет потом оказался у прежней Летиции, уже выглядит достаточно плохо.

Сабина стиснула зубы.

— Номер дела будет у вас вечером. Не вздумайте уничтожить документы.

— Для уничтожения документов у меня сейчас слишком неудобная рука.

Она не улыбнулась. И правильно. Не каждый разговор обязан заканчиваться примирением.

— Принесите.

— Это не означает, что я вам верю.

— Я поняла с первого раза.

Сабина ушла, задев плечом стойку с мантиями. Стражник

проводил её взглядом.

— Она имела право войти? — спросила я.

— Мастерская общая.

— Тогда всё законно. Академия сегодня приятно последовательна.

Портной вернулся с бумагой, на которой уже стояла подпись заведующей мастерской. Видимо, перспектива отвечать за травму подозреваемой оказалась эффективнее любых просьб.

Через час мне выдали тренировочный костюм: плотные брюки, длинную куртку с боковыми вставками и мягкий жилет под неё. Он не превращал меня в изящную академическую статуэтку, зато позволял поднять руки и наклониться без риска для дыхания и швов.

Я остановилась перед зеркалом.

Чужое лицо всё ещё удивляло. Полные щёки, тёмные брови, серо-зелёные глаза. Волосы густые, каштановые, собраны слишком туго. Фигура крупная, мягкая, живая. Не та, к которой я привыкла, и не та, которую хотелось немедленно исправлять.

Главной проблемой тела был не размер. Главной проблемой оставался смертный приговор.

Я подняла здоровую руку, проверила, не тянет ли ткань под мышкой, присела и сделала широкий шаг. Куртка не задралась, пояс не впился в живот, швы выдержали. Для полёта или защитного занятия понадобятся дополнительные рем-

ни, но это уже решалось расчётом, а не стыдом.

— Добавьте внутренние петли по бокам, — сказала я портному. — Для крепления страховки. И укрепите плечи.

— Это изменит установленный образец.

— Установленный образец вчера едва не оставил студентку без лица. Я предпочитаю изменения.

Он вздохнул и сделал пометку.

— Потребуется подпись преподавателя воздушной координации.

— Получите. Если подпись важнее моей способности удержаться в седле, пусть преподаватель напишет это рядом.

Портной посмотрел на меня уже не с презрением, а с осторожностью человека, который понял: клиентка готова читать документы до конца. Это был прогресс.

— Подходит, — сказала я.

Портной вздохнул, словно проиграл важный спор.

Вернувшись в комнату, я впервые смогла осмотреть своё новое жильё без стражников за спиной. Они остались в коридоре, дверь не запирали, но на косяке горела наблюдательная печать.

Комната прежней Летиции выглядела как дорогая витрина. Тёмное дерево, тяжёлые шторы, позолота на рамах. На туалетном столике — десятки флаконов. В шкафу — платья, рассчитанные на женщину, которая хотела, чтобы её замечали раньше, чем слышали.

Почти все вещи были перевёрнуты после обыска.

Я начала с порядка. Не из любви к уборке: пока предметы лежали где попало, невозможно понять, что пропало и что подбросили.

Сначала составила простой список. Шкатулка с украшениями — одна, замок сорван. Пять запечатанных писем, двенадцать вскрытых. Три учебных тетради по ритуальному праву, две по совместной магии и ни одной по воздушной координации. В шкафу висели платья, но тренировочной одежды почти не было. Прежняя Летиция явно предпочитала занятия, где можно сидеть и спорить. В этом у нас нашлось что-то общее.

Украшения сложила отдельно. Письма — по датам. Учебные конспекты — по предметам. В нижнем ящике обнаружили счета, списки покупок и три неоплаченных требования от мастерских. Прежняя Летиция жила дорого и не особенно интересовалась тем, кто за это платит.

Среди бумаг лежал перечень выпускных испытаний. Возле «ритуального права» стояла высшая отметка, возле «диагностики связей» — почти высшая. Значит, прежняя хозяйка тела не была бездарной капризной девицей, какой её показывала книга. Она разбиралась именно в тех вещах, которые теперь всплывали вокруг меня.

На полях конспекта повторялся один вопрос: «Кто подтверждает добровольность после активации?» Ответ преподавателя был подчёркнут дважды: «Оба участника лично». Рядом прежняя Летиция написала: «Тогда почему подпись

семьи считается достаточной?»

Я отложила тетрадь. Это не оправдывало Сабинину сестру, угрозы Элире или найденный яд. Но делало прошлое сложнее. Возможно, Летиция одновременно участвовала в грязных играх и пыталась понять, насколько далеко зашла система. Люди редко укладывались в удобные роли, даже если автор книги очень старался.

Старое чёрное платье после казни принесли в чехле и бросили на кресло. Подол не сгорел, только пах дымом. На груди осталась прореха там, где рассыпалась судебная метка.

Я разложила платье на кровати.

Швы были сделаны вручную. Подкладка плотная, дорогая. У левого бока ткань чуть топорщилась, словно внутрь зашили жёсткую ленту.

Правой рукой работать было неудобно. Я взяла маленькие ножницы левой и осторожно распорол несколько стежков.

Из подкладки выпал сложенный вчетверо лист.

Сердце ускорилося. Я села на край кровати и развернула бумагу.

На ней было четыре схемы. Тонкие линии, похожие на узор из браслета и ожог на моей ладони. Первая — короткая метка с открытым концом. Вторая — две петли, стянутые вместе. Третья — плотный узел с направляющей стрелкой. Четвёртая — разорванный круг с несколькими маленькими знаками по краю.

Под схемами прежняя Летиция сделала пометки. Почерк

узнавался по подписи в договоре: быстрый, угловатый.

«Доступ. Привязка. Подчинение. Стирание».

Ниже шла одна фраза:

«Если огонь меня не примет, искать нужно в сердце дракона».

Я перечитала трижды.

Стук в дверь заставил меня сложить лист.

— Леди Варн, — сказал стражник из коридора. — Инспектор Астэр.

Кайр вошёл после моего разрешения. На нём был тот же тёмный камзол, но сегодня без императорского браслета. Его взгляд сразу прошёл по разложенным бумагам и остановился на распоротом платье.

— Вы решили самостоятельно уничтожить улики?

— Да. Начала с собственного гардероба. Он давно вызывал подозрения.

Пауза длилась секунду.

— Метод радикальный, — сказал он.

Сухая шутка. Я едва не пропустила её из-за непривычной формы.

— Я нашла записку.

Кайр перестал осматривать комнату.

— Где именно?

— В подкладке платья с казни. Шов отличался от остальных.

— Кто ещё видел?

— Стражники — платье, но не находку. Портной — другое помещение. Сабина Рейт заходила до того, как я вернулась.

— Вы уверены, что записку не подложили после обыска?

— Нет. Чехол принесли уже закрытым, цепочку передачи никто не записал. Поэтому я и не отдаю оригинал первому человеку с серьёзным лицом.

— В академии много людей с серьёзными лицами.

— Вот именно.

— Покажите.

Я не достала оригинал. Вместо этого взяла чистый лист и, прижимая бумагу здоровой рукой, перерисовала четыре схемы. Получилось неровно, но основные линии сохранились.

— Почему копия? — спросил он.

— Потому что вчера запрещённая печать оказалась в официальном браслете, а сегодня я обнаружила документ в платье женщины, которую пытались казнить. Мне пока не хватает доверия к системе хранения.

— Вы считаете, что я часть системы.

— Вы императорский инспектор внутри академии. Это не оскорбление, а описание положения.

Он посмотрел на перевязанную руку.

— Оригинал должен быть защищён.

— Согласна. Но не раньше, чем получу копию, расписку о передаче и право присутствовать при упаковке.

— Вы не доверяете моему сейфу?

— Я пока даже не видела ваш сейф.

— Это обычное свойство сейфов.

Я присмотрелась к нему. Вторая шутка за один разговор могла считаться признаком серьёзного магического нарушения.

— Вы требовали письменные границы ещё до того, как их предложили.

— Профессиональная деформация. Устные договорённости прекрасно звучат до первого счёта.

Кайр взял копию, не касаясь моих пальцев.

Его лицо изменилось, когда он увидел последнюю схему. Совсем немного: челюсть стала жёстче, взгляд ушёл внутрь.

— Вы знаете этот узор, — сказала я.

— Знаю часть.

— В сердце какого дракона мне предлагается искать?

— Пока неясно.

— Вам ясно больше, чем вы говорите.

— Да.

Честный ответ оказался раздражающе бесполезным.

— Когда расскажете?

— Когда буду уверен, что это не ловушка прежней Летиции.

— Разумно. Тогда оригинал пока останется у меня.

Он сложил копию и убрал во внутренний карман.

— Завтра меня назначат вашим наблюдателем.

— Уже назначили?

— Решение ожидаемо.

— В этой академии удивительно много добровольных вещей, которые заранее ожидаемы.

На этот раз уголок его рта действительно сдвинулся. Настолько мало, что я могла принять это за игру света.

— Подготовьте условия, леди Варн.

— Условия чего?

— Нашего сотрудничества.

Он направился к двери.

— Инспектор.

Кайр обернулся.

Я развернула оригинал записки и указала на последнюю строку.

— Если это ловушка, прежняя Летиция рассчитывала, что я переживу огонь.

— Или рассчитывала, что переживёт она.

Дверь закрылась.

Я снова развернула оригинал и посмотрела на четыре схемы. Повреждённые пальцы плохо держали бумагу, поэтому я разложила её на столе и прижала чернильницей. На обороте не было ни даты, ни имени, только едва заметный след воска. Значит, записка предназначалась не для суда и не для союзника. Прежняя Летиция прятала сообщение для самой себя — или для того, кто займёт её место после огня.

«Если огонь меня не примет, искать нужно в сердце дракона».

Записка стала первой настоящей уликой.

Теперь я знала человека, который увидел узор и впервые потерял безупречное спокойствие.

Глава 5

Кайр принёс договор о сотрудничестве на трёх страницах. Я принесла свой на семи.

Он положил документы рядом на тренировочную скамью и посмотрел сначала на них, потом на меня.

— Вы успели составить это за ночь?

— Я отдыхала между пунктами.

— Целитель предписал вам сон.

— Целитель не видел формулировку «по усмотрению инспектора».

Тренировочный зал пустовал. За высокими окнами серело раннее утро, на каменном полу лежали три концентрических круга, а вдоль стен стояли стойки с защитными пластинами. Правая рука ныла под свежей повязкой, пальцы всё ещё слушались плохо. О магии я не собиралась даже думать.

У двери висел приказ с печатью ректора: императорский инспектор Кайр Астэр назначался моим наблюдателем до повторного суда. Ниже отдельной строкой указывалось, что все совместные проверки проводятся в присутствии дежурного мага и фиксируются в журнале. Формулировка выглядела безупречно. Именно такие формулировки обычно скрывают самый неприятный пункт.

— Ректор быстро согласился, — сказала я.

— Он заинтересован в результате диагностики.

— В моей безопасности?

— В результате, — повторил Кайр.

Честность снова оказалась полезнее заботливых речей.

Кайр сел напротив.

— Начнём с вашего варианта.

Я раскрыла первый лист.

— Любая диагностика проводится после объяснения цели, способа и возможных последствий. Прикосновения — только после отдельного согласия, кроме немедленной угрозы жизни. Полёт — только с исправным снаряжением и возможностью отказаться до взлёта. Я сообщаю обо всех найденных печатях, записях и изменениях дара. Вы не скрываете прямую угрозу моему здоровью.

— Последний пункт невозможно соблюдать полностью.

— Почему?

— Я могу не знать, что представляет угрозу.

— Тогда формулировка: «не скрывает известную прямую угрозу».

Кайр взял перо и исправил строку.

— Подходит.

Я ожидала спора. Его отсутствие оказалось почти подозрительным.

— Вы всегда так легко соглашаетесь?

— Только с разумными требованиями.

— А неразумные?

— Не выполняю.

— Очень удобная система оценки.

— Поэтому мы пишем условия вместе.

Я перелистнула страницу.

— Наблюдение не означает право входить в мою комнату без предупреждения.

— Согласен, если дверь не запечатана аварийным знаком.

— Осмотр личных вещей — только при свидетеле и с описью.

— Согласен.

— Мои разговоры с Элирой, Сабиной или другими студентами не запрещаются заранее.

— Если человек сам согласен говорить с вами.

— Разумеется.

— Вы не покидаете академию без сопровождения.

— Это уже ограничение свободы.

— Вы осуждённая с приостановленным приговором.

— Тогда пишем прямо, а не называем это заботой. И добавляем право знать маршрут, цель выхода и имя сопровождающего заранее.

Кайр внёс строку.

— Ночью вы остаётесь в женском общежитии.

— С этим согласна.

— При обнаружении неизвестного контура вызываете меня через сигнальный кристалл.

— У меня его нет.

Он вынул из кармана небольшой прозрачный камень на

металлической цепочке и положил на стол.

— Теперь есть. Один импульс — срочный вызов. Два — непосредственная угроза. Три — медицинская помощь.

— А случайное нажатие?

— Я приду и выясню, насколько оно было случайным.

— Убедительная защита от ошибок.

Он добавил уточнение.

Работать с ним было непривычно. Кайр не пытался очаровать, продавить или ускорить решение. Читал каждое предложение, менял спорные слова и не изображал заботу там, где имел в виду контроль.

По сравнению с ректором его прямота ощущалась почти роскошью.

— Теперь мой вариант, — сказал он.

Первая страница касалась безопасности. Я не могла самостоятельно входить в активный контур, прикасаться к неизвестной печати или скрывать ухудшение состояния. После каждого использования дара требовался осмотр целителя. Вторая страница описывала доступ к архивам. Третья — ответственность за улики.

— Оригинал записки, — напомнил Кайр.

Я достала сложенный лист из внутреннего кармана куртки.

— Сначала копия и расписка.

Он уже подготовил и то и другое. На стол легла чистая копировальная пластина. Кайр активировал её, не касаясь бу-

маги руками. Знаки вспыхнули, изображение перенеслось на второй лист.

— Проверяйте.

Я сравнила каждую линию и слово.

— Теперь расписка.

— Вы получаете удостоверенную копию. Оригинал помещается в мой личный сейф до регистрации в императорской службе. Доступ — только у меня. При передаче другому хранителю вы присутствуете или получаете уведомление с новым номером описи.

— Подпишите время.

Он подписал.

Я передала оригинал.

— Доверие растёт пугающими темпами, — сказала я.

— Не преувеличивайте. Вы отдали мне лист после двух копий и трёх подписей.

— Для третьего дня знакомства это почти близость.

Слова выскочили раньше, чем я успела их оценить.

Кайр поднял глаза.

Золотой ободок вокруг зрачков был заметнее при утреннем свете. Я вдруг слишком ясно увидела линию его рта, тёмную щетину на подбородке и сильные пальцы, державшие расписку.

Очень своевременно. Меня подозревали в убийстве, до повторного суда оставалось меньше месяца, правая рука напоминала плохо завернутую посылку, а организм решил от-

метить привлекательность наблюдателя.

— В договор это не входит, — сказал Кайр.

— Слава разумным формулировкам.

Он убрал записку в плоский футляр и запечатал его императорским знаком.

— Остался пробный контакт ядер.

— В договоре написано, что диагностика проводится после объяснения.

— Поэтому объясняю. Мы не создаём связь и не передаём силу. Вы входите во внешний круг, я — во внутренний. Контур на мгновение сопоставляет частоту ядер. Если знак совместимости ложный, реакции не будет.

— Если не ложный?

— Линии круга загорятся. Мы разойдёмся.

— Возможные последствия?

— Жар, головокружение, кратковременная слабость. Учитывая ваш дар — неизвестная реакция на мою старую травму.

— Прекрасно. Наконец-то честная неизвестность.

Кайр не ответил. Он проверил каждую пластину круга, поставил дежурного мага показать журнал установки и только потом предложил мне подойти.

Я остановилась у внешней линии.

— Согласны на диагностический контакт длительностью не более трёх ударов сердца? — спросил он.

— Согласна.

— При боли говорите сразу.

— Вы тоже.

— У драконов выше болевой порог.

— Вы ушли от ответа.

Он чуть склонил голову.

— Скажу.

Я шагнула в круг.

Серебряная линия под ногами стала тёплой. Кайр вошёл во внутренний сектор, поднял левую руку и остановил ладонь напротив моей. Между кожей оставалось несколько сантиметров.

Вблизи он казался ещё выше. От него пахло сухим теплом, кожей перчаток и чем-то горьким, похожим на обожжённые травы. Я слишком остро ощущала расстояние между нашими ладонями и собственное дыхание под жилетом. Совместимость могла оказаться подделкой, а тело не обязательно было ждать результатов расследования, чтобы заметить привлекательного мужчину.

Я мысленно напомнила себе, что этот мужчина позавчера подписал мой режим содержания. Романтический настрой стал значительно умереннее.

— Контакт начинается, — сказал дежурный маг.

Первый удар сердца.

Воздух сжался. Знак на запястье вспыхнул золотом.

Второй.

Жар прошёл по руке к груди. Не боль — плотное ощу-

щение чужого присутствия, силы, удерживаемой под тонкой человеческой кожей. Кайр стоял неподвижно, но в его глазах разгорелся огонь.

Третий.

Наши ладони не соприкасались, однако что-то внутри контура сомкнулось.

Я увидела тёмный шов.

Он тянулся не по воздуху и не по полу. Начинался под ключицей Кайра, уходил глубоко в грудь и обвивал золотой узел, похожий на сжатое пламя. Четыре слоя. Те же четыре схемы из записки. Только здесь они были спаяны вместе и пульсировали в такт сердцу.

Кайр резко втянул воздух.

По его шее вверх прошла золотая чешуя.

— Стоп, — сказал он.

Контур не погас.

Тёмный шов дёрнулся ко мне. Я почувствовала его натяжение в повреждённой ладони. Пальцы сами начали сгибаться.

Можно было схватить.

Нельзя.

Я не знала конструкции. Не получила согласия. Ожог после первого испытания ещё не зажил.

Я прижала руку к груди и отступила.

Серебряная линия вспыхнула ярче, будто не хотела выпускать. Кайр ударил ладонью по управляющей пластине.

Камень под ногами дрогнул, свет погас.

Он вышел из круга первым и ухватился за край стола.

— Больно? — спросила я.

— Да.

Честный ответ прозвучал сквозь стиснутые зубы.

Дежурный маг потянулся к сигнальному кристаллу.

— Вызвать целителя?

— Нет, — сказал Кайр.

— В договоре записано, что ухудшение состояния не скрывается, — напомнила я.

Он посмотрел на меня.

— Вызовите.

Маг выбежал.

Я осталась у внешнего круга. Приближаться без разрешения не стала.

— Я видела печать, — сказала я.

— Опишите.

— Четыре слоя вокруг золотого узла. Первый похож на метку из браслета. Второй связывает шов с огнём. Третий стягивает его внутрь. Четвёртый... не уверена. Как разорванный круг, который постоянно соединяется заново.

Кайр выпрямился. Лицо снова стало спокойным, но на виске блестел пот.

— Вы пытались её разрушить?

— Нет.

— Почему?

Вопрос разозлил сильнее, чем должен был.

— Потому что мы только что подписали договор. Потому что вы не давали согласия. Потому что я не знаю, что произойдёт с вашим сердцем. Вы правда ожидали другого ответа?

— Я должен был убедиться.

— Могли спросить до проверки.

— Тогда ответ ничего бы не доказывал.

Я задержала на нём взгляд. Вот как работала его защита: создать ситуацию, проверить реакцию и решить, что риск допустим, пока всё остаётся под контролем.

— Внесём дополнительный пункт, — сказала я. — Вы не используете меня для проверки гипотезы, которую не объяснили заранее.

— Согласен.

— Слишком быстро.

— Требование разумное.

Целитель вошёл в зал и направился к Кайру. Тот позволил осмотреть грудь, но расстегнул камзол ровно настолько, насколько требовалось.

На коже у ключицы проступал старый чёрный шрам. Я уже видела его край вчера. Теперь рисунок был яснее: четыре линии сходились к центру и исчезали под тканью.

Целитель приложил к нему кристалл.

— Старая связующая травма активировалась. Ритм стабилен, но вам нельзя повторять диагностику сегодня.

— Мне тоже, — сказала я.

Он осмотрел мою повязку и подтвердил запрет. Кайр дождался, пока целитель уйдёт, затем снова запечатал ворота.

— Когда это произошло? — спросила я.

Кайр провёл большим пальцем по краю стола. Жест был единственным признаком, что вопрос задел сильнее, чем он хотел показать.

— Много лет назад.

— Во время службы на щите?

— Да.

— Вы были связаны с человеком?

— С напарницей.

Он сказал это так, что я не стала спрашивать, где она теперь. Пустота в коротком ответе была слишком ясной.

Кайр сам продолжил после короткой паузы:

— Мы согласились на временный боевой союз. Контур должен был распределять нагрузку щита. Через несколько недель она начала терять память после дежурств. Я считал причиной истощение.

— А потом?

— Она попыталась разорвать связь без процедуры.

Золотой ободок в его глазах погас, оставив обычный серый цвет.

— Печать удержала её и перенаправила разрыв в моё ядро. Я выжил. Она — нет.

Слова легли между нами тяжело и просто. Никакого ге-

роического рассказа, никакой просьбы о сочувствии. Только факт, который объяснял его привычку заранее решать, кому позволено рисковать.

— Вы поэтому не участвуете в отборе?

— Официально моё ядро признано несовместимым с длительным союзом.

— Но судебное пламя оставило знак на мне.

— Поэтому я считаю знак возможной частью печати.

— А не судьбой?

Он посмотрел прямо.

— Совместимость означает, что два ядра могут проводить общую силу. Она ничего не говорит о чувствах, браке или праве распоряжаться другим человеком.

Наконец-то правило этого мира, которое мне нравилось без оговорок.

— Тогда почему академия устраивает отбор невест?

— Она устраивает проверку союзов. Невестами её называют семьи, совет и те, кому удобнее связать службу с наследованием.

— Разница между официальным названием и реальностью снова впечатляет.

— Именно её я расследую.

— Кто поставил печать?

— Я не знаю полного ответа.

— А неполный?

Он посмотрел на футляр с запиской.

— Узор использовали в запрещённой программе принудительных союзов. Я считал, что все её контуры уничтожены.

— Прежняя Летиция знала о вашем шраме?

— Не должна была.

— Но оставила записку о сердце дракона.

— Да.

— И тот же узор оказался в браслете и учебном классе.

— Да.

Три коротких подтверждения связали события лучше длинной лекции.

Я подошла к столу и вписала новый пункт в договор. Кайр подписал его без замечаний.

— Что дальше? — спросила я.

— Завтра проверим документы прежней Летиции и список людей, имевших доступ к браслету.

— Ректор разрешил вам расследовать собственную академию?

— Императорская печать не требует его разрешения.

— Но он поддержал ваше назначение.

— Да.

— Почему?

Кайр взглянул на закрытый футляр.

— Либо хочет, чтобы я нашёл источник проблемы. Либо хочет видеть, что именно мы найдём.

— Третий вариант?

— Он считает, что сможет направить расследование.

— И сможет?

— Если мы будем принимать удобные объяснения.

Я вспомнила, как Орс сразу предложил считать мой новый дар последствием судебного огня. Объяснение звучало складно и не требовало ни одного доказательства.

— Значит, все объяснения проверяем по фактам.

— Это уже есть в моём варианте договора. Пункт шестой.

Я нашла строку и дописала рядом: «Включая объяснения ректора и инспектора».

Кайр прочитал и поставил подпись.

— А сегодня?

— Вы отдыхаете.

— Это приказ?

— Рекомендация, подтверждённая целителем и двумя договорами.

— Звучит почти законно.

Я направилась к двери, но остановилась.

— Кайр.

Он поднял взгляд. Я впервые назвала его без титула и почувствовала это слишком отчётливо.

— Если я снова увижу шов, что делать?

— Ничего. Сначала говорите мне.

— А если он причиняет кому-то вред?

— Тогда спрашиваете согласие, оцениваете цену и не геройствуете в одиночку.

— Последнее сложно проверить юридически.

— Я постараюсь.

— Внесём в приложение к договору.

— Вы собираетесь документировать каждую нашу реплику?

— Только те, которые могут спасти мне жизнь. Остальным позволю остаться устными.

Кайр задержал на мне взгляд; в нём мелькнуло что-то помимо профессионального внимания. Возможно, я придумала это от усталости. Возможно, совместимость усиливала ощущение близости. Делать выводы по одному взгляду означало бы повторить академическую привычку: принять желаемое за доказанное.

Я вышла в коридор. Повреждённая ладонь пульсировала, хотя магии я не коснулась. Перед глазами всё ещё стоял тёмный шов, затянутый вокруг золотого огня.

Узор из записки прежней Летиции находился не просто рядом с Кайром.

Он был в его сердце.

Глава 6

Обыск начался до рассвета.

Меня разбудил не стук, а скрежет ключа в замке. Дверь распахнулась, в комнату вошли трое мужчин в серых форменных камзолах, за ними — магистр Вельс и Кайр. Наблюдательная печать на косяке горела ярче обычного.

Я села на кровати и первым делом проверила правую руку. Повязка была на месте, пальцы сгибались хуже, чем вечером. Значит, ночное улучшение мне не приснилось: его просто не было.

— Доброе утро, — сказала я. — Или обыск считается достаточной заменой приветствию?

Старший из мужчин развернул лист с печатями.

— По распоряжению ректора проводится повторная проверка покоев леди Варн.

— В прошлый раз проверяли без меня.

— Теперь вы присутствуете.

Вельс стояла у двери, собранная и сухая, будто пришла принимать экзамен. Кайр — чуть в стороне. Его взгляд скользнул по моей повязке, затем по комнате. Я заметила, что сегодня он снова надел императорский браслет.

— На каком основании повторная проверка? — спросила я.

— Получены новые сведения, — ответил старший.

— Какие именно?

— Они составляют часть следствия.

— Тогда кто фиксирует цепочку хранения найденного?

Он посмотрел на меня так, словно я спрашивала, кто будет отвечать за цвет ковра.

— Академическая стража.

— Назовите присутствующих и время начала.

Кайр едва заметно повернул голову в мою сторону.

Старший сжал губы.

— Капитан Дорн, мастер Лейд, страж Шим. Магистр Вельс. Императорский инспектор Астэр. Начало — пятый час утра.

— И я, — добавила я. — Летиция Варн, владелица комнаты и подозреваемая. Запишите, что до начала обыска дверь открыли вашим ключом.

— Это служебный ключ.

— Тем важнее записать.

Капитан Дорн что-то процедил, но достал протокольную пластину. Тонкая серебряная поверхность вспыхнула, принимая слова.

Я накинула халат поверх ночной сорочки и встала. Корсет, к счастью, на ночь снимали даже в этом мире. За четыре дня в теле прежней Летиции я уже знала, что свобода дыхания — одно из недооценённых достижений цивилизации.

— Комнату обыскивают по секторам, — сказала я. — Каждый найденный предмет показывают мне и двум свиде-

телям до перемещения.

— Вы не руководите процедурой, — отрезал Дорн.

— Тогда руководите вы. Но по правилам.

— Правила вам известны?

— Ритуальное право — лучший предмет прежней Летиции. А я последние пятнадцать лет жила среди договоров, смет и людей, которые уверяли, что забытый пункт «и так подразумевался».

Дорн не понял половины, но интонацию уловил.

Кайр подошёл к столу.

— Требование о фиксации обоснованно. Продолжайте при свидетелях.

— Инспектор, распоряжение ректора не предусматривает задержки.

— Фиксация не задержка. Это процедура.

Он не пытался меня защищать, просто назвал процедуру. Это и подействовало.

Обыск начали со шкафа. Мастер Лейд вынимал платья, страж Шим проверял подкладки. Моё чёрное платье с казни лежало отдельно в запечатанном чехле. Перед отбоем мы с Кайром передали футляр Вельс. Она внесла его в хранилище под двойную печать и выдала мне уведомление с новым номером описи; копия оставалась у Кайра. Вчерашняя предусмотрительность наконец пригодилась.

В первом ящике нашли украшения. Во втором — письма и счета. В третьем лежали перчатки, ленты и маленькая ко-

робка с засушенными цветами.

— Раньше её здесь не было, — сказала я.

Дорн поднял голову.

— Вы утверждаете, что знаете содержимое всех ящиков?

— Вчера я составила опись. Она лежит на столе, подписана мной и стражником у двери.

Капитан взял лист, быстро просмотрел.

— Коробки в списке нет.

— Именно.

Лейд надел тонкие защитные перчатки и открыл крышку.

Внутри лежали четыре стеклянных пузырька. Один пустой. Два заполнены серым порошком. В четвёртом плавала густая тёмная жидкость.

Вельс подошла ближе, но не коснулась.

— Компоненты состава, которым была отравлена студентка Сорель, — произнесла она.

В комнате стало тесно, хотя никто не двинулся.

Дорн посмотрел на меня.

— Значит, при первом обыске их не обнаружили.

— Значит, сейчас обнаружили коробку, которой вчера не было.

— Ваше слово против находки.

— Моё слово подтверждается описью.

— Опись составлена вами.

— И заверена вашей стражей.

Капитан перевёл взгляд на Шима. Тот неловко переступил

с ноги на ногу.

— Я видел список, — признал он. — Коробки не было.

— Вы проверяли ящик? — спросил Дорн.

— Леди Варн открывала его при мне.

— Могла спрятать коробку позже.

— Тогда зачем мне класть её в собственный ящик накануне повторного обыска? — спросила я. — Это уже не злодейство. Это просьба о бесплатном проживании в тюрьме.

Дорн не оценил.

Кайр подошёл к ящику, остановившись на расстоянии шага.

— Не перемещать предметы до установки временной печати. Вызвать второго протоколиста.

— Это излишне, — сказал Дорн.

— Возможное нарушение цепочки хранения делает дополнительного свидетеля необходимым.

— Вы вмешиваетесь в академическое расследование.

— Оно затрагивает императорскую программу запрещённых печатей. Теперь это моё расследование.

Дорн замолчал.

Я встретила взглядом с Кайром. Он не улыбался и не подавал мне никаких ободряющих знаков. Просто заставил процедуру работать так, как она должна была работать с самого начала.

Такие поступки опаснее красивых слов: к ним быстро привыкают.

Пока ждали второго протоколиста, Вельс запечатала ящик прозрачным контуром. Серебряные линии легли по краям дерева. Любая попытка открыть его оставила бы след.

— Нужен человек, видевший комнату вчера, — сказала я.
— Кроме стражника.

— Здесь была Сабина Рейт, — напомнил Кайр.

— Она видела комнату после обыска, — ответила я. — И не станет лгать ради меня.

— Поэтому её показание будет полезным.

Сабину привели через четверть часа. Она вошла в форме защитного факультета, с небрежно собранными волосами и выражением человека, которого разбудили ради неприятности, давно им ожидаемой.

— Что на этот раз? — спросила она.

Дорн указал на опечатанный ящик.

— Вы находились в покоях леди Варн вчера днём?

— Да.

— Подходили к этому столу?

— Подходила. Искала письмо сестры.

— Видели коробку с цветами?

Сабина посмотрела на меня. Не дружелюбно. Не испуганно. Просто проверяя, чего я от неё хочу.

Я ничего не сказала.

Она повернулась к Дорну.

— Нет. Я открывала этот ящик. Там были перчатки и ленты.

— Вы уверены?

— Я искала конверт с красной печатью. Коробку пришлось бы вынуть, если бы она там стояла.

— Вы можете подтвердить, что леди Варн не положила её позже?

— Нет.

Капитан удовлетворённо кивнул.

— Но могу подтвердить, что вчера её не было, — добавила Сабина. — А ночью у двери стояла стража.

— Леди Варн могла действовать до смены караула.

— Могла, — согласилась Сабина. — Она много чего могла. Это не доказательство, что сделала.

Я ожидала ненависти, а получила точность. Пожалуй, ценнее.

Дорн записал показание. После второго протоколиста коробку перенесли в защитный контейнер и опечатали четырьмя подписями. Я настояла, чтобы пятая принадлежала мне. Капитан возражал до тех пор, пока Вельс не напомнила статью ритуального кодекса.

— Подозреваемый имеет право удостоверить сохранность предмета, — сказала она. — Право редко используется, но существует.

— У вас бланк и на это есть? — спросила я.

— Разумеется.

Её тон не изменился, но в глазах мелькнуло что-то похожее на усталое одобрение.

В коридоре за поворотом стояла Сабина. Видимо, её тоже не отпустили далеко до окончания заседания. Она опиралась плечом о стену и смотрела на меня без прежней открытой враждебности, но и без тепла.

— Не думайте, что я поверила вам, — сказала она.

— Я не настолько оптимистична.

— Коробки вчера не было. Это всё, что я подтверждаю.

— Этого достаточно.

Сабина нахмурилась, будто ожидала благодарности другого сорта.

— Прежняя вы попытались бы купить меня.

— Судя по счетам в комнате, прежняя я и так слишком многое покупала в кредит.

Она почти усмехнулась, но передумала.

— Моя сестра тоже была на отборе, — сказала Сабина. — Пока вы не объявили её воровкой перед советом.

— Я нашла письмо.

— И?

— Пока не вскрывала. Оно относится к ней, не ко мне. Отдам при свидетелях, когда вы будете готовы.

— Вы можете прочитать его и сделать вид, что нет.

— Могу. А вы можете снова свидетельствовать против меня. Взаимное недоверие хотя бы честнее дружбы за одно утро.

Сабина выпрямилась.

— Если пытаетесь стать хорошей, получается раздражаю-

ще расчётливо.

— Я не пытаюсь стать хорошей. Я пытаюсь не умереть и не причинить ещё больше вреда. Иногда эти задачи совпадают.

Она ушла, не попрощавшись. Но в её шаге уже не было прежней уверенности человека, знающего виновницу зара- нее.

Кайр проводил её взглядом.

— Вы могли потребовать от неё поддержки.

— И получить отказ при всех. Плохая стратегия.

— Вы оцениваете людей как участников церемонии.

— Люди обычно ведут себя хуже, когда им не объяснили роль, поставили не в то место и ждут красивого результата. Академия делает всё трижды.

— Вы считаете Сабину возможным союзником?

— Нет. Считаю её человеком, который предпочитает точ- ный факт удобной ненависти. Пока этого достаточно.

Кайр кивнул. В его исполнении это выглядело почти как похвала.

Страж у лестницы отвернулся, но я успела заметить лю- бопытство. К обеду весь выпускной курс будет знать, что Са- бина Рейт сказала в мою пользу. К вечеру половина акаде- мии решит, что я её подкупила, а вторая — что готовится но- вая интрига. Репутация прежней Летиции работала исправ- но даже без хозяйки.

После обыска нас вызвали к ректору.

Орс принимал в кабинете, где всё было рассчитано зара-

нее: кресла на правильном расстоянии, мягкий свет, вода на столе. Комната человека, привыкшего сообщать неприятные решения так, чтобы собеседник ещё и благодарил за ясность.

Дорн доложил о находке.

Ректор слушал, сложив руки.

— Компоненты совпадают? — спросил он Вельс.

— Предварительно — да. Окончательный вывод после анализа.

— Опись может быть подделана?

— Может, — ответила Вельс. — Но подпись стражника подлинная.

Орс посмотрел на меня.

— Вы понимаете, насколько серьёзно это осложняет ваше положение?

— Моё положение осложнил костёр. Всё остальное пока уступает.

— Лёгкость неуместна.

— Это не лёгкость. Это способ не начать кричать.

В кабинете стало тихо. Я сама удивилась честности фразы. Возможно, усталость вытеснила осторожность.

Орс смягчил голос.

— Летиция, я не желаю вам вреда. Если вы действительно изменились после судебного пламени, сотрудничайте. Расскажите, где хранили состав и с кем действовали.

— Я не знаю.

— Вы утверждаете, что не помните?

— Утверждаю, что не знаю.

— Ваша прежняя манера всегда состояла в том, чтобы нападая первой.

— Тогда сегодняшнее поведение должно вас радовать.

Его взгляд задержался на мне чуть дольше.

— Возможно, — сказал он. — Но суд оценивает факты, а не перемены характера.

— Тогда оцените факт нарушения цепочки хранения.

— Оценим. До завершения анализа смертный приговор не возобновляется.

Я медленно выдохнула.

— Условия пребывания ужесточат, — продолжил Орс. — Вы не покидаете общежитие без инспектора. Участие в проверке совместимости остаётся обязательным.

— Почему обязательным, если меня снова подозревают в покушении?

— Потому что судебное пламя выявило аномалию. Её необходимо исследовать.

Кайр стоял у окна. На слово «аномалия» он не отреагировал, но я вспомнила тёмный шов в его сердце.

— И ещё одно, — сказал Орс. — В комнате обнаружены следы прежних личных встреч между вами и мной. Капитан? Дорн открыл протокол.

— Служанка, отвечавшая за вечерние коридоры, заявила, что леди Варн неоднократно покидала общежитие после отбоя и направлялась в ректорское крыло.

— Где она? — спросила я.

— Здесь.

В кабинет ввели молодую женщину в сером платье. Лицо у неё было бледным, руки сжаты в замок.

— Назовите себя для протокола, — сказал Дорн.

— Служанка восточного крыла.

— Имя не требуется? — спросила я.

Дорн недовольно посмотрел.

— Марта, — тихо сказала она. — Просто Марта.

— Что вы видели?

Она не поднимала глаз.

— Леди Варн приходила к ректору. Трижды за последний месяц. Один раз принесла свёрток. Один раз ушла перед рассветом.

Я повернулась к Орсу.

Он выглядел удивлённым ровно настолько, насколько требовало положение.

— Вы подтверждаете встречи? — спросил Кайр.

— Леди Варн обращалась ко мне по вопросам отбора, — ответил Орс. — Разговоры были конфиденциальными из-за её семейного статуса.

— Ночью?

— Она боялась огласки.

— Что было в свёртке?

— Документы.

— Какие?

Орс повернулся к нему.

— Инспектор, я готов предоставить официальные записи. Но не превращать кабинет в допрос при студентках.

— Одна студентка обвиняется в преступлении, связанном с этими встречами.

Марта вздрогнула.

Я заметила на её правом запястье красную полосу — след недавно снятого браслета или слишком тугой манжеты. Она не выглядела человеком, который добровольно решил добавить сведения к громкому делу.

— Кто попросил вас дать показание? — спросила я.

Дорн резко сказал:

— Не давите на свидетельницу.

— Я задала вопрос.

Марта молчала.

Кайр подошёл ближе, но остановился так, чтобы не заслонять ей дверь.

— Ответьте, если можете, — сказал он.

Она сглотнула.

— Капитан Дорн сказал, что это нужно для безопасности академии.

— Он угрожал вам? — спросила я.

— Нет.

— Обещал что-то?

Её пальцы сжались сильнее.

— Моего брата допустят к вступительным испытаниям.

Орс медленно перевёл взгляд на Дорна.

— Капитан?

— Девушка просила содействия. Я лишь подтвердил, что честное показание будет учтено.

— Учтено кем? — спросил Кайр.

Дорн промолчал.

Орс встал.

— Показание остаётся в деле, но его условия должны быть указаны. Капитан, оформите дополнение.

Решение выглядело справедливым. Подозрительно быстро и гладко. Орс пожертвовал мелким нарушением Дорна, не отвечая на главный вопрос: зачем прежняя Летиция приходила к нему ночами.

Когда нас отпустили, Марта задержалась у двери. Я уже вышла в коридор, когда она прошептала:

— Она не всегда приносила документы.

Я остановилась.

Кайр тоже слышал.

— Что ещё? — спросил он.

Марта посмотрела на закрытую дверь кабинета.

— Один раз леди Варн вышла без свёртка. А ректор велел сменить весь контур в западной лаборатории до утра.

— Какой лаборатории?

— Старой. Той, которую закрыли после несчастного случая с драконом.

Она быстро ушла, не дожидаясь новых вопросов.

Я повернулась к Кайру.

— Ваша напарница погибла в западной лаборатории?

Его лицо не изменилось.

— Да.

Вчера мы нашли узор в его сердце. Сегодня — яд в моей комнате и ночные встречи прежней Летиции с Орсом.

Случайности в этой академии отличались превосходной организацией.

Глава 7

Центральный зал совместимости строили для торжественных решений и чужих неудобств.

Пять кругов из белого камня занимали середину зала. Над каждым висел прозрачный кристалл размером с человеческую голову. Галереи были заполнены преподавателями, представителями семей и чиновниками совета. Студенты стояли вдоль стен по факультетам. На возвышении сидел Орс, рядом — магистр Вельс и трое незнакомых членов комиссии.

Мне отвели место между двумя стражниками.

Правая рука всё ещё была перевязана. Утренний обыск закончился несколько часов назад, но новость уже успела обойти академию. Люди смотрели на меня дольше обычного. В шёпоте смешивались «яд», «подбросили», «свидетельница» и «ректор». Половина зала, вероятно, считала меня преступницей. Остальные подозревали, что преступников несколько. Для моей безопасности это было скромным улучшением.

Кайр стоял у управляющей панели. Императорский браслет на его запястье светился холодным серебром. После разговора о западной лаборатории он ушёл проверять архивы и больше со мной не говорил.

— Публичная проверка проводится по утверждённому

порядку, — объявила Вельс. — Совместимость означает способность безопасно проводить объединённую магию. Она не устанавливает брачных обязательств, права владения, эмоциональной связи и иных отношений, прямо не указанных в добровольном договоре.

В верхней ложе кто-то кашлянул. Несколько представителей семей обменялись взглядами.

Я почти прониклась уважением к этой фразе. Жаль, что большую часть академии она интересовала примерно так же, как правила эвакуации гостей до первого пожара.

Первой вызвали Элиру.

Она вошла в круг в светлой форме целительского факультета. Лицо спокойное, движения точные. Только когда называли Торена Астэра, её пальцы сжались на краю рукава.

Торен спустился с противоположной стороны. В человеческом облике он выглядел лет на тридцать: светлые волосы, золотистые глаза, лёгкая улыбка человека, привыкшего нравиться без усилий.

— Если кристалл взорвётся, — сказал он Элире достаточно громко, чтобы слышал первый ряд, — предлагаю считать это убедительным отказом от церемонии.

— Кристаллы не взрываются, — сухо ответила Вельс.

— Тогда академия лишила нас единственного интересного исхода.

Элира не улыбнулась, но напряжение в её плечах немного ослабло.

Они встали напротив друг друга. Вельс дала знак.

Торен раскрыл ладонь. Золотой огонь поднялся тонкой лентой, не обжигая. Элира коснулась внешнего контура. Её магия проявилась прохладным голубым светом. Два потока встретились, кристалл над ними засиял ровно.

Зал одобрительно зашумел.

В книге эта сцена описывалась как первая несомненная встреча предназначенных друг другу душ. Теперь я видела двух людей, которые осторожно дышали и следили за каждым движением, пока комиссия измеряла их пригодность к службе.

— Стабильность высокая, — сказала Вельс. — Передача безопасна. Признаков принудительного слоя не выявлено.

Я прищурилась.

На первый взгляд контур был чистым. Но возле левой ступни Торена темнела тонкая линия, похожая на волос под стеклом. Метка доступа? Или тень от стыка плит?

Торен повернулся к управляющей панели.

— Повторить второй цикл?

Кайр нахмурился.

— Второго цикла не назначали.

— Разве?

Улыбка Торена исчезла.

— Вы завершили первый, — сказала Элира. — Магистр уже объявила результат.

Он посмотрел на неё, затем на кристалл.

— Конечно. Я просто...

В зале стало слишком тихо.

— Что вы помните после активации? — спросил Кайр.

Торен ответил не сразу.

— Свет. Её руку. Ваш вопрос.

— Вы не помните показания кристалла?

— Я отвлёкся.

Элира смотрела на него профессионально внимательно.

— У вас учащён пульс. И зрачки реагируют медленнее.

— Вы успели поставить диагноз, пока я стоял в круге?

— Я целительница. Мы портим хорошие моменты наблюдениями.

Несколько человек рассмеялись, но Торен не поддержал. Его лицо стало суше, почти чужим.

Кайр отключил круг.

— Проверку завершить. Торену — диагностика до следующего испытания.

— Я в порядке.

— Это не обсуждение.

Торен открыл рот, потом кивнул слишком резко.

Когда он вышел, тёмная линия у его ноги погасла.

Торен вышел из круга, но не ушёл к целителям сразу. Он остановился у ступеней, раздражённо поправил манжету и посмотрел на Элиру.

— Вы правда видели, что я завершил цикл?

— Я была напротив вас.

— И что сказал кристалл?

— Высокая стабильность. Передача безопасна.

— Тогда почему Кайр смотрит так, будто я попытался украсть корону?

— Потому что вы не помните тридцать секунд.

— Двадцать.

— Вы не можете знать длительность того, чего не помните.

Торен провёл ладонью по лицу. Лёгкость исчезла совсем.

— Я не теряю память.

— Вы только что потеряли.

— Усталость. Мы летали ночью к северной башне.

Кайр подошёл к ним.

— Вас вызывали на северную башню?

Торен замер.

— Да.

— Кто?

— Дежурный координатор.

— Имя.

Торен нахмурился.

— Не помню.

Несколько студентов рядом притихли. Элира потянулась к его запястью, но остановилась, не коснувшись.

— Позвольте проверить пульс?

Он посмотрел на её руку, словно вопрос был сложнее обычного.

— Позволю.

Элира приложила два пальца к коже. На мгновение голубой свет прошёл вдоль её ногтей.

— Ритм выравнивается. Но вам нужна полная диагностика.

— После церемонии.

— Сейчас.

— Элира, если я уйду перед проверкой остальных, совет назовёт связь нестабильной.

— Связь и есть нестабильная, если один участник не помнит, что делал.

Торен бросил взгляд на верхнюю ложу, где сидели представители драконьих кланов. Я поняла его страх: не за здоровье. За командование, статус, место рядом с Кайром. В книге он был весёлым молодым драконом, который легко влюблялся и героически защищал Элиру. Автор не упоминал, сколько людей следили за каждым его движением и ждали доказательства слабости.

— Пять минут, — сказал он. — Диагностика за ширмой, и я возвращаюсь.

— Десять, — ответила Элира.

— Семь.

— Вы торгуетесь с целительницей?

— Всегда. Это поддерживает волю к жизни.

Она всё-таки улыбнулась, но взгляд остался тревожным.

Их увели в боковую комнату. На белом камне круга ещё

мерцал слабый тёмный след. Вельс приказала очистить линии, однако оператор лишь провёл над ними кристаллом. Тень исчезла слишком быстро, будто её не стирали, а прятали.

Я запомнила номер панели.

Следующими проходили ещё две пары. Я старалась смотреть на контуры, а не на зрителей. У первой пары магия сцепилась плохо, кристалл мигал. У второй — стабилизировалась быстро. Никаких тёмных швов я не увидела.

Затем назвали меня.

— Леди Летиция Варн проходит общую проверку по решению суда, — объявила Вельс. — Результат не создаёт дополнительных обязательств до завершения расследования.

— Кроме тех, что уже спрятаны в договоре, — пробормотала я.

Кайр услышал.

— Если почувствуете принудительную тягу, говорите сразу.

— А если комиссия решит, что это волнение?

— Тогда я остановлю проверку.

— На каком основании?

— На основании нашего договора.

Я вошла в центральный круг.

После костра публичное внимание стало знакомым. Тело всё равно отреагировало: жар под воротом, тяжесть в животе, желание занять меньше места. Прежняя Летиция, судя по

её одежде, всю жизнь пыталась выглядеть громче собственного страха. Я не собиралась повторять её метод. Расправила плечи, насколько позволял камзол, и встала на центральную метку.

К кругу по очереди пригласили трёх драконов выпускного набора.

Первый раскрыл огонь. Кристалл остался тёмным.

Второй усилил пламя. Ничего.

Третий провёл полный цикл. Серебряные линии под моими ногами едва светились.

По галереям прокатился шёпот.

— Совместимость не выявлена, — сказала одна из членов комиссии. — Судебная реакция могла быть единичной аномалией.

Орс поднял руку.

— Необходимо проверить все доступные источники.

— Инспектор не участник отбора, — напомнила Вельс.

— Он исполнял приговор и вызвал реакцию. Его присутствие требуется как контрольное.

Кайр посмотрел на Орса.

— Я могу направить огонь с внешней границы.

— Тогда мы не узнаем, зависит ли результат от полного контура.

— Это создаст конфликт полномочий.

— Его зафиксируют в протоколе.

Формально всё звучало безупречно. Ректор не заставлял

Кайра вступать в союз, лишь предлагал повторить уже случившуюся реакцию ради науки, суда и безопасности империи. Похоже, клетки здесь строили именно из безупречных формулировок.

Кайр подошёл ко мне.

— Согласие на диагностический контакт? — спросил он. Зал услышал.

— Только на проверку проводимости, — ответила я. — Без закрепления связи.

Вельс внесла условие в протокол.

Кайр вошёл в круг.

Пространство сразу изменилось. Не романтически. Воздух стал суше, камень под подошвами отдал слабой дрожью, а знак на моём запястье нагрелся. Кайр остановился напротив, оставив между нами два шага.

— Начинаю с минимального огня, — сказал он.

Я кивнула.

Золотая линия появилась на его ладони. Моя магия откликнулась раньше, чем я успела решить, что делать. Тепло прошло от груди к пальцам. Серебряный контур вспыхнул.

Кристалл над нами залило белым светом.

Кто-то вскрикнул.

Пламя Кайра не ударило в меня. Оно растянулось между нами узкой золотой дугой. Я почувствовала его не как чужую силу, а как ясный ритм: давление, пауза, направление. Не мысли. Не эмоции. Сигнал, который тело понимало быстрее

разума.

И сразу же под ним шевельнулось другое.

Тёмная нить поднялась из внешнего круга, скользнула к моему запястью и попыталась замкнуться вокруг золотой дуги. Привязка.

Я увидела структуру лишь частично: две петли, стянутые общим узлом. Если разорвать сейчас, можно было сорвать весь контур. Вместе с кристаллом, комиссией и, вероятно, потолком. Если ничего не делать — нить закрепится.

— Печать, — сказала я.

Кайр мгновенно уменьшил огонь.

Тёмная нить дёрнулась сильнее, словно почувствовала потерю источника. Я прижала здоровую ладонь к запястью и удержала её там, где она пыталась войти под кожу. Дар отошелся жжением. Не разрывать. Только не позволить затянуть шов.

— Где? — спросил Кайр.

— Между внешним кругом и знаком. Две петли. Незвестный узел.

— Можете выйти?

Я попробовала сделать шаг. Тёмная нить натянулась, возвращая ногу на место.

— Нет.

Кайр повернулся к панели.

— Отключить центральный контур.

Оператор побледнел.

— Команда не принимается.

— Ручной разрыв, — приказал Кайр.

— Это повредит кристалл.

— Повредит сильнее, если я сделаю это огнём.

Орс поднялся.

— Продолжайте минимальный поток. Связь может стабилизироваться.

Я взглянула на него.

— Она не добровольная.

— Возможно, вы неверно интерпретируете незнакомую структуру.

— Возможно. Поэтому и не собираюсь позволять ей закрепиться.

Кайр шагнул ближе.

— Я разрываю подачу. На счёт три отведите руку от знака и выйдите вправо.

— Нить держит левую ногу.

— Тогда перенесите вес заранее. Я приму откат.

— Он ударит по вашему шраму.

— Летиция.

Короткая реплика означала: спорить будем позже.

Я сместила вес. Кайр поднял обе руки.

— Раз.

Золотая дуга сузилась.

— Два.

Тёмная нить рванулась к его груди. В месте старого шрама

проступил чёрный рисунок.

— Три.

Он погасил огонь.

Я убрала ладонь и бросила тело вправо. Нить затянулась на пустом месте. Кайр ударил по ней ребром ладони. Не разрушил — отсёк от источника. Кристалл лопнул с сухим звуком, осыпав круг прозрачной крошкой.

Я оказалась на коленях за границей. Правая рука отозвалась болью, но новой печати на запястье не было.

Кайр остался стоять в центре. Лицо побледнело. Под воротом на мгновение проступил чёрный шов.

— Проверку прекратить, — сказала Вельс.

— Результат зафиксирован, — произнёс Орс. Его голос перекрыл шум. — Совместимость леди Варн и инспектора Астэра подтверждена.

— Подтверждена проводимость, — жёстко уточнил Кайр. — Попытка привязки делает результат недействительным.

— Это установит комиссия.

На галереях уже не шептались. Представители семей спорили вслух. Один член совета требовал отстранить Кайра. Другой — немедленно заключить союз ради северного щита. Никто не говорил о любви. Речь шла о полномочиях, на следовании, военной ценности и нарушении императорского протокола.

Так выглядел скандал взрослых людей: меньше визга, больше печатей и угроз лишить кого-нибудь должности.

Кайр наклонился и протянул мне левую руку. Не схватил, не потянул — просто предложил опору.

Я приняла её. Ладонь была горячей, сухой. Стоило коснуться, как внутри снова возникло слабое ощущение направления: не слова, не приказ, а понимание, куда переносить вес. Я поднялась и сразу отпустила.

— Это тоже совместимость? — спросила я тихо.

— Вероятно, усиленная передача движения.

— Удобно для полётов.

— И опасно, если кто-то использует её для подчинения.

— Вы умеете испортить любой приятный вывод.

— Это часть работы.

Он осмотрел моё запястье. Кожи не коснулся.

— Нового ожога нет?

— Только старый возмущён повторным использованием.

— После зала вас осмотрит целитель.

— Внесено в договор?

— Пункт девятый.

— Вы его запомнили?

— Я читаю документы, которые подписываю.

— Вы редкий человек.

— Дракон.

— Тем более.

В первом ряду кто-то поднялся и громко потребовал официального разъяснения, может ли императорский инспектор оставаться при расследовании после подтверждения сов-

местимости с обвиняемой. Другой чиновник возразил, что именно его участие гарантирует независимость. Представитель семьи Варн отсутствовал, но человек с гербом Марелей уже посылал записку слуге. Адриан стоял у колонны и старательно не встречался со мной взглядом.

Кайр проследил за моим вниманием.

— Не рассчитывайте на поддержку семьи Марелей.

— После разрыва помолвки на костре я скорректировала ожидания.

— Они могут потребовать признать вашу связь политическим обязательством.

— Сначала пусть попробуют объяснить, почему мой бывший жених имеет право распоряжаться новым союзом.

— В этом зале найдутся специалисты.

— Тогда хорошо, что у меня есть семь страниц договора.

— Уже больше.

— Я работаю над приложениями.

Орс дождался тишины.

— Состояние щита ухудшилось, — объявил он. — Северный участок потерял ещё два опорных контура. Совет принял решение ускорить финальный отбор. Церемония состоится в двадцатый день текущего цикла.

Я быстро посчитала.

Сегодня был пятый.

— До церемонии пятнадцать дней, — сказала я.

— Достаточный срок для завершения диагностики, — от-

ветил Орс.

Кайр вышел из круга и остановился рядом со мной.

— Для спокойного расследования — нет.

Орс посмотрел на нас обоих.

— Империя не всегда располагает спокойными сроками.

На моём запястье светился знак, который только что попытались превратить в замок. Кайр стоял слишком близко, его огонь всё ещё отзывался в моём теле ясным чужим ритмом. Зал уже решил, что мы способны образовать сильнейшую пару.

Нам оставалось доказать, что кто-то пытался сделать этот выбор за нас.

И на это дали пятнадцать дней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.